

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Хосе Карлос Сомоза

ЗНАК ДЕСЯТИ

18+

Долгожданное продолжение «Этюда в черных тонах»!
Мистер Икс возвращается!

Хосе Карлос Сомоза

Знак Десяти

Серия «Звезды мирового детектива»

Серия «Мистер Икс», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69897346

Знак Десяти:

ISBN 978-5-389-24409-2

Аннотация

Викторианская Англия, Портсмут. В Кларендон-Хаус, «пансион для отдыха джентльменов с расшатанными нервами», прибывает новый постоялец – Чарльз Доджсон, уже прославившийся как Льюис Кэрролл, автор «Алисы в Стране чудес», – и нервы у него очень расшатаны. Чарльзу Доджсону снятся зловещие сны – его собственные персонажи пророчат ему и его знакомым кровь, смерть и катастрофы неясной природы, и эти предсказания снова и снова сбываются. К кому обратиться с подобной загадкой, как не к мистеру Икс, которому внятна подоплека любых человеческих поступков? Этот слепой и безумный анахорет, певец рациональности, прототип Шерлока Холмса, раскрывает страшные тайны, не выходя из комнаты, одной лишь силой дедукции – но чем закончится его новая схватка с «Союзом Десяти»?

Хосе Карлос Сомоза – блистательный испанский писатель, чьи романы переведены на несколько десятков языков, лауреат премии «Золотой кинжал» и обладатель множества других литературных наград, создатель многослойных миров, где творятся очень страшные дела, автор фантастических, философских, исторических триллеров и хорроров. В «Знаке Десяти», продолжении «Этюда в черных тонах», возвращаются инфернально проницательный мистер Икс и его верная, ироничная, сильная и чувствительная медсестра Энн Мак-Кари, а вместе с ними в непредсказуемой интриге замешаны актеры, бутафоры и зрители жестоких подпольных театров, известные психиатры и, разумеется, Артур Конан Дойл.

Впервые на русском!

Содержание

Часть первая	6
Достойный сожаления случай мистера Арбунтота	6
Льюис Кэрролл в Стране кошмаров	63
В кроличьей норе (I)	111
Психиатры	115
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Хосе Карлос Сомоза

Знак Десяти

José Carlos Somoza

EL SIGNO DE LOS DIEZ

© José Carlos Somoza, 2022

All rights reserved

© К. С. Корконосенко, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Часть первая

Занавес поднимается

– Боже мой! – сказал я самому себе. – Вот-вот произойдет что-то страшное, а я могу лишь сидеть и дожидаться, когда это произойдет.

Г. Дж. Клеменс. «Моя жизнь, взгляд из кресла» (1874)

Достойный сожаления случай мистера Арбунтота

1

Вся эта загадочная история не обо мне, а о мистере Икс, однако полагаю, что я могу сказать несколько слов и о себе.

Я скажу, что зовут меня Энн Мак-Кари, что я медицинская сестра и что в июне нынешнего 1882 года меня наняли для ухода за пациентом в пансион для отдыха джентльменов с расшатанными нервами; именуется он Кларендон-Хаус. И что спустя месяц, подав своему пациенту чашку чая, я всадила ему нож между ребер.

По счастью, я нанесла всего один удар и остановилась

прежде, чем добила свою жертву. Я осознала весь ужас совершенного мной. На мои крики сбежались другие медсестры Кларендона, и нам удалось доставить раненого в Портсмутскую королевскую больницу, где он и пробыл до конца лета. За это время мой пациент, которому разговоры давались с трудом (поскольку рана была глубока и он потерял много крови), рассказал мне, что существует группа злоумышленников, так называемые Десять, умеющих контролировать человеческую волю посредством мистического театра: они затуманили мое сознание, убедив меня, что если я зарежу своего пациента, то получу безмерное наслаждение.

И так оно и было.

Я получила безмерное наслаждение.

Отрицать это бессмысленно.

Детство свое я провела в Портсмуте, играя с куклами и с морем. Я познала мужчин – немногих, и я была счастлива рядом с мужчинами – еще реже. У меня подрастают чудесные племянники. Я ухаживала за пациентами и радовалась, когда они шли на поправку. Я подпирала щеку рукой, любясь рассветами и закатами. В моей крови до сих пор живы строки незабываемых стихов. Все это приносило мне удовольствие, и не думаю, что в этом я сильно отличаюсь от большинства из вас.

Но ударить человека ножом – вот что оказалось для меня самым сладостным.

С одной лишь поправкой.

Как я и говорила, мой пациент постарался мне все объяснить. Ему хорошо дается объяснение самых сложных вещей. В этом он мастер. Он говорит, что все дело в таинственном спектакле. Что я никакая не маниакальная преступница, не получаю удовольствия от убийства людей, ничего подобного. Мой пациент иллюстрировал это на примере щекотки: у тебя нет желания смеяться, но ты все-таки смеешься, когда тебя трогают в определенных местах. Пример *непристойный*, но многое объясняет. Тот спектакль пощекотал мое сознание, и смех мой оказался громогласным и кровавым. Примерно так. Вам стало понятнее? Вот и мне тоже не стало. Но я это чувствовала. Конечно, то была не щекотка, ничего похожего. То было наслаждение. И все-таки я разрешала моему пациенту объяснять мне все снова и снова. По утрам я садилась возле его постели, слушала и кивала, я понимала, что он пытается мне сказать. Это была не я. Да, разумеется, это была я, только другая я. Я во время *щекотки*. Это я понимала и осознавала. И даже допускала, что иначе и быть не могло, ведь я хороший человек, я даже не стану пинать бродячего пса, если он меня укусит. Я умею молча терпеть сильную боль, чтобы подарить немного счастья другим людям. И не думайте, что я сейчас себя нахваливаю. Нет никакого хвастовства в том, чтобы описать себя, как ты есть, а я именно такова: я была хорошей дочерью, заботилась о родителях, моя работа состоит в уходе за людьми и сейчас я ухаживаю за моим пациентом. Все это я о себе знаю и не считаю себя способной

принести кому-нибудь вред.

Однако после захода солнца, когда моя голова касается подушки, я снова готовлю этот чай, поднимаюсь с подносом посреди отблесков и улыбок и с той же неотвратимостью, с той же радостью снова вонзаю нож в это крохотное тельце.

А потом я кричу и просыпаюсь. И я никогда не знаю, что со мной было: я кричала от наслаждения и проснулась от ужаса перед совершенным во сне или я кричала от ужаса перед наслаждением, которое заставило меня проснуться.

Я думаю, что все мы – прозрачные озера с грязью на дне.

И существуют способы взбудоражить эту грязь и замутить всю воду.

2

Моего пациента выписали из Портсмутской королевской больницы в понедельник 4 сентября. До получения ножевой раны он намеревался перебраться в Оксфорд, чтобы встретиться со старым другом. Он не сказал мне, кто этот друг, сказал лишь, что встреча не терпит отлагательств. Однако после ранения мой пациент сильно ослабел и решил вернуться в пансион Кларендон-Хаус – там он провел очень мрачное лето, завершившееся моим покушением. Это решение чрезвычайно обрадовало директора Кларендона, доктора Джеральда Понсонби, которому было важно заполучить моего пациента обратно, поскольку его пребывание щедро оплачи-

валось его семьей. Поэтому Понсонби организовал для него в Кларендоне роскошный прием.

«В этой жизни все повторяется, кроме хорошего», – говорил мой отец. И вот когда наш экипаж ехал по проспекту Кларенс и я снова увидела поднимающуюся над пляжем тень Кларендон-Хауса с его фасадом в голландском стиле, его островерхими крышами, с каминами и стрельчатыми фронтонами, увидела вдалеке море, мутное и серое на закате, точно роговица старческого глаза, я ощутила неясную тревогу. Именно здесь начались события этого страшного лета, и вот мы возвращаемся в Кларендон.

Это было как предчувствие.

Калитка в стене, колокольчик и табличка «КЛАРЕНДОН-ХАУС. ПАНСИОН ОТДЫХА ДЛЯ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ» – все оставалось на своих местах. Рядом с калиткой собрался и персонал: от доктора Понсонби до последней служанки; морской ветер играл с полами сюртуков и белыми чепцами. Там стояли мои сослуживицы: старшая медсестра Мэри Брэддок, медсестры Нелли Уоррингтон, Сьюзен Тренч и Джейн Уимпол со своей *благопристойной* вуалью на чепце; Гетти Уолтерс – плачущая и смеющаяся – и другие служанки; повариха миссис Гиллеспи; бухгалтер Филомон Уидон со своим помощником, юным Джимми Пигготом, который выполнял для моего пациента множество мелких поручений. Все они стояли в ряд, неподвижно, некоторые (например, Понсонби) приложили руку к груди, как будто встреча-

ли какое-нибудь высокопоставленное лицо. Когда Джимми открыл калитку, к нему присоединился Уидон; с помощью дюжей Гетти они водрузили моего пациента на кресло-каталку.

Речь, подготовленная Понсонби, зависла в воздухе по той причине, что мой пациент уснул в экипаже. Он даже издавал легчайшие звуки, различимые только для того, кто поборол бы страх перед странными чертами его лица и большими полуоткрытыми глазами – которые он никогда не закрывал во сне, – и приблизил бы ухо к его губам: это было как не до конца закрытый краник, соединенный с каким-то далеким уголком его мозга, а указывали эти звуки на пребывание в глубокой летаргии; маленькие руки моего пациента были скрещены на груди.

Никто не решился его будить.

Таким образом вся процессия, возглавляемая доктором Понсонби и Уидоном, медленно двинулась ко входу. В авангарде Джимми толкал перед собой кресло-каталку.

Медсестры двинулись последними – думаю, потому что они пожелали по крайней мере бросить взгляд на то другое, что прибыло вместе с долгожданным пансионером.

И этим другим была я.

Они смотрели на меня точно на место, которое следует предварительно изучить, чтобы решить, стоит ли приближаться. Разумеется, все они знали о моем поступке, им представили более-менее доходчивое объяснение («гипноз»

и «транс»), но я не упрекала своих товарок за недоверчивость. Какого приема может ожидать медсестра, воткнувшая нож в своего пациента, едва его не убившая? Я опустила глаза долу, я побледнела под цвет своей шляпки.

И тогда наша начальница Мэри Брэдок нарушила молчание:

– С возвращением домой, Энни. – Она чуть склонила свою большую голову.

Больше никто ничего не сказал, и мы вошли в Кларендон. Я шла последней.

«В этой жизни все повторяется, кроме хорошего», – говорил мой отец. На самом деле все иначе: события притворяются повторениями, однако они никогда не будут прежними.

А плохое, как правило, оборачивается худшим. Очень скоро мне предстояло в этом убедиться.

3

В ту ночь я спала без кошмаров. Быть может, я слишком устала. Проснулась на рассвете, прошла в ночной рубашке в общую ванную для медсестер, умылась, вернулась к себе в комнату и надела свою униформу, которую для меня сложили стопкой на столе.

Время как будто вернулось назад. Вот о чем я думала, впервые за месяц облачаясь в это одеяние. Широкая юбка строгого черного цвета, белый нагрудник, белый перед-

ник, пояс с карманами, заполненными полезными предметами, накрахмаленные манжеты и воротничок, и, как вишенка на торте, высоченный кларендонский чепец. Чепец-митра. Увенчав себя, я улыбнулась. Улыбка моя моментально угасла. Мутноватое зеркало, висевшее на стене в моей комнате, показало мне очень странный образ. Да, не всяк монах, на ком клобук, это уж точно.

Я спросила себя, стану ли я вновь одной из медицинских сестер Кларендон-Хауса.

Пока что я остаюсь медсестрой при моем пациенте, и я должна его вымыть.

Мы уложили его спать в той самой комнате, которую он занимал раньше: последней в восточном крыле второго этажа. В то утро я застала моего пациента в большом оживлении. Служанка принесла ему завтрак (теперь на тарелках почти ничего уже не осталось) и поставила на постели подушку так, чтобы он мог завтракать полулежа. Шторы были раздвинуты.

– Добрый и не совсем обычный день, дорогая мисс Мак-Кари. Как прошла для вас первая ночь по возвращении в Кларендон?

– Великолепно, – сдержанно отозвалась я. – А для вас?

– Одна из самых долгих и отдохновенных ночей на моей памяти.

– В длительности вы не ошиблись: вы ведь проспали со вчерашнего полудня. – Я положила принадлежности для

умывания и смену белья на комод. И заметила перевязанный ленточкой конверт возле вазона со свежими петуниями. На конверте было аккуратно выведено: «Для мистера Икс» – в отсутствие имени все так называют моего пациента. – Вам письмо.

– Ах да. Пожалуйста, откройте и прочтите. Его принесла служанка. Это приветственные слова от доктора Понсонби – то, что, кажется, он не смог мне сказать вчера.

– Потому что вы спали.

– Забавно, – заметил он. – Я впервые заснул *до* того, как доктор Понсонби начал говорить. Но все же прочтите. Понсонби гораздо более лаконичен на бумаге. Готов поспорить, он будет краток.

Мой пациент не ошибся. Там было всего несколько строк вычурной каллиграфии.

Глубокоуважаемый сэр,

наш восторг по поводу Вашего решения вернуться в наш скромный пансион может — я не говорю «превзойти», но сравниться разве что с сознанием ответственности, обязанности и долга, которое охватывает нас в Вашем высокочтимом присутствии. Смею заверить, глубокоуважаемый сэр, что мы в Кларендон-Хаусе приложим все возможные усилия, чтобы Ваше пребывание — на сей раз — было достойно Вашего высокого положения.

Искренне Ваш,

доктор Джеральд Понсонби

P. S. Пожалуйста, передайте эти слова приветствия также и мисс Мак-Мердок.

— Вот этим «Ваше пребывание достойно Вашего высокого положения» он намеревался сделать комплимент или речь идет скорее об угрозе? — рассуждал мистер Икс.

Я уже расстегнула на нем рубашку. Спешу уведомить, что мистер Икс, стоя в полный рост, большинству из вас едва ли достанет до пояса.

— Даже вам известно, что одно дело — положение и совсем другое — телосложение, — заметила я без улыбки. В эти мгновения я не могла отвести взгляда от сомкнутых губ шрама на его щуплом боку.

— Не удивляйтесь, что доктор Понсонби их путает. Он ведь по-прежнему путается и в вашей фамилии, мисс Мак-Кари.

– Мы, люди, меняемся меньше, чем нам бы хотелось.

– Некоторые даже прилагают усилия, чтобы не меняться, – изрек мой пациент.

Я наклонилась возле кровати, выжимая тряпку с мыльной водой. Типичный для моего пациента загадочный комментарий. Я понимала, что он имеет в виду меня. Все верно, я действительно вела себя сухо и отстраненно, но он не говорил мне самого главного, и это было нестерпимо. Все его слова были призваны меня оправдать, вместо того чтобы объявить со всей ясностью: мисс Мак-Кари, вы испытали *наслажде-ние*, вы испытываете его даже сейчас, в воспоминаниях.

Моя вина не находила облегчения, потому что мой про-ступок как раз и являлся величайшим облегчением.

Я водила тряпочкой по всему его маленькому телу. Мой пациент был изящного, даже хрупкого сложения – за исключением его огромной головы. Кстати сказать, у него было привлекательное тело. Я не собираюсь описывать его во всех подробностях и призываю вас не обращать на этот аб-зац больше внимания, чем следует: если вы желаете быть *непристойными*, отправляйтесь в театр. Достаточно упомянуть, что мой пациент был человек нормальный и зауряд-ный, только размерами с мальчика в том, что касается его тела, с большой головой яйцеобразной формы, с высоким лбом, с густой копной волос, с носом настолько орлиным, что это казалось опасным, с большими глазами разных цве-тов: левый глаз был весь алый из-за постоянного кровоизли-

яния; правый – голубой из-за непомерных размеров радужной оболочки. Когда мистер Икс на тебя смотрит, левый глаз как будто приговаривает тебя к вечному багрянцу, а правый в то же время отправляет прямиком на небеса. Как будто тебя оценивает божественное правосудие. А правосудие, как говорится, слепо; думаю, именно поэтому два этих самоцвета не могли одарить ответным взглядом того, кто ими любовался.

Мистер Икс был слеп от рождения.

– Быть может, вы наконец пожелаете со мной это обсудить? – выпалил он внезапно, пока я его вытирала.

– Что обсудить?

– То, что вы не желаете со мной обсуждать.

– Если я не желаю с вами что-либо обсуждать, то я и не стану этого делать.

– Мисс Мак-Кари, есть вещи, которые мы можем делать вопреки нашему желанию.

– Эта вещь не из таких.

– Ах, но то, что вас мучает, *было* именно из таких. – Я остановилась и посмотрела на моего пациента. Он на меня не смотрел. Голос его звучал мягко. – Вы можете перестать видеть кошмары в любой момент, уверяю вас, мисс Мак-Кари.

– Так вы теперь шпионите и за моими снами?

– Нет, вы просто оставили дверь открытой: любой может наблюдать за вами снаружи. Но, повторяю, вы можете перестать себя винить в любой момент. – (Я ничего не сказала и

надела на него чистую рубашку.) – Пожалуйста, пересадите меня в кресло, – попросил он.

Этот предмет мебели был кожаный (кожа почти утратила цвет от долгого использования), с высокой спинкой – выше, чем спинка кресла честерфилд; кресло мистера Икс всегда было обращено к окну и отвернуто от двери. Помимо названных предметов, в комнате помещалось не так уж много: комод, ночной столик, два стула и камин в дальней стене – в нем, как усталым тоном поведала мне служанка, засори-лась труба. Мы могли бы использовать жаровню, но ничто не предвещало сильных холодов.

Я завязала на его талии маленький халатик (такой мог бы носить подросток), подложила на кресло подушку и на руках перенесла моего пациента. Он почти ничего не весил. Мистер Икс вздохнул от наслаждения, когда я усадила его в кресло, точно куклу на полку.

– Дорогой мой друг, – произнес он, поглаживая кожу. – Как же мне тебя не хватало...

Я не могла себе представить мебели более затертой, чем это кресло, но промолчала.

И тотчас уставилась в пол. Я помнила, что совершила свое непростительное деяние в другом помещении, уже после кратковременного переезда мистера Икс, но кресло при этом присутствовало. Немой свидетель обвинения.

Я сдержала приступ рыданий и сошла с ковра.

Потому что мистеру Икс не нравилось, когда плачут над

ковром.

– Мисс Мак-Кари, – промурлыкал он, устраиваясь поудобнее, – мы проводим полжизни, виня себя за то, что делаем, а вторую половину – делая то, чего делать не хотим...

– Вам тоже есть за что себя винить, сэр, – отозвалась я, и слезы прорвались наружу.

– За что же?

– Вы хотели, чтобы я стала вашей личной медсестрой.

Я плакала вдалеке от него, в одиночестве, как того и заслуживала. Он ответил устало:

– Это лучшее решение, какое я принял за всю свою жизнь. Только вообразите, как было бы скучно без таких вот сентиментальных моментов, когда я вынужден вас утешать. – Шутка его не возымела эффекта, и он заговорил мягче: – Все будет хорошо. Хватит винить себя за то, что совершили не вы...

Я не знала, как ему объяснить, что дело не в этом. Не в моем поступке, а в наслаждении, которое он повлек за собой. Мое наслаждение – это нечто чуждое, вложенное в меня Десятью? Или они всего-навсего раскрыли его внутри меня? Отчего этот человек, столь проницательный в расшифровке загадок, оказался настолько слеп перед противоречиями такого простого ума, как мой? Мистер Икс подождал, пока я успокоюсь, а затем продолжил своим обычным тоном:

– Как бы то ни было, когда они попытаются в следующий раз, им не застать меня врасплох...

От этих слов мои слезы разом иссякли.

– Вы думаете, они снова попытаются? Убить вас?

– Ну разумеется. Они задались этой благой целью на нынешний год. Конечно, они больше не станут действовать через вас. Наверно, придумают еще более изощренный способ. Но в моем лице они столкнутся с противником как минимум не ниже себя, если использовать выражение доктора Понсонби.

Я была ошарашена. Признаюсь, когда мой пациент изъявил желание вернуться в Кларендон, я тешила себя надеждой – возможно, нелепой, – что мы сможем все начать сначала. Начнем так, как все должно было сложиться, когда я приехала в это самое место и вошла в эту самую комнату три месяца назад, сотрем все, что произошло потом, – как вычеркивают текст вроде того, что я пишу сейчас: сотрем Убийство Нищих, жестокого Генри Марвела Младшего (он же мистер Игрек), члена «Союза Десяти», заместившего собой беднягу доктора и едва не покончившего с нами, сотрем театр, перевернувший всю мою голову.

Особенно это последнее. Театр со *щекоткой*.

Вы меня извините, если я признаюсь? Я верила, что имею полнейшее право наконец-то исполнять свою скромную работу медицинской сестры, обыкновенной и заурядной, заниматься своей мирной успокоительной профессией. Потому что в сравнении с тем, что я пережила за последние три месяца, кровотечения, ампутации, клизмы и даже трепанации

черепя представлялись мне такими же скучными, как полировка серебряного канделябра.

А теперь это невозможное создание беззастенчиво наслаждается своими прогнозами.

– Да-да, они попробуют меня убить... И не только меня, но еще и моего оксфордского друга...

– Того человека, которого вы собирались навестить?

– Да, именно.

– Вы никогда о нем не рассказываете.

– Потому что хочу, чтобы он сам о себе рассказал. Не может быть лучшей рекомендации, чем его собственные слова, скоро вы в этом убедитесь.

В одной руке у меня было ведро с водой, в другой вчерашнее белье. Но тут я остановилась.

– Вы имеете в виду, что ваш друг приедет сюда?

– Совершенно верно.

– Почему вы мне не сказали раньше?

– Я дожидался подтверждения. Он поселится в соседней комнате. Нам обоим грозит опасность, и я хочу, чтобы он находился рядом.

– Соседнюю комнату занимает мистер Арбунтот.

– Занимал, – уточнил мистер Икс. – Помните, Понсонби навещал меня в больнице? Я его попросил, и он согласился. Мне неизвестно, каким образом Понсонби все устроил, но мой друг поселится здесь. Какой сегодня день?

– Пятое сентября, понедельник.

– Он придет завтра. – Мистер Икс соединил подушечки своих маленьких пальчиков. – История моего друга – это причина, по которой мы познакомились, а также причина менее счастливых событий. – Мой пациент скривился в гримасе, которую только он сам мог воспринимать как улыбку, хотя на самом деле такое выражение на яйцевидном лице с разноцветными глазами заставило бы любого ребенка вопить от ужаса.

Я крепко призадумалась. Вид у меня был как у крошечной дуры, но вот вам одно из преимуществ работы со слепцом. Все эти новости в первый день после возвращения не предвещали ничего хорошего. Тем хуже, если они подавались с приправой из такой вот улыбочки.

– Это ведь тот самый писатель? – уточнила я. – Автор книги, которую вы просите меня читать, «Приключения Алисы в Стране чудес»?

– А вы ее читаете? – в свою очередь, спросил он.

Я пожала плечами:

– Она лежит у меня на ночном столике. Кажется, поэтому я ее и читаю: других книг у меня нет. Я уже читала «Приключения Алисы в Стране чудес», когда они только вышли, но и со второго раза понимаю не больше прежнего...

– Это детская сказка, – объяснил мистер Икс.

– Я бы поостереглась общаться с ребенком, которому такое нравится.

– Мисс Мак-Кари, эта книга содержит ключ ко *всему*.

– Что это за *всё*?

– Все, что для нас важно. Ключ к «Союзу Десяти».

Ну разумеется, это было важно для *него*. Его одержимость. Я отказалась даже от попыток это понять.

– Итак, ваш друг – литератор?

– Нет. – Это прозвучало как «хотел бы я иметь таких друзей». – Мой друг – скромный пастор и профессор математики на пенсии. А теперь, если вас не затруднит, мне необходим Паганини. Пожалуйста, мисс Мак-Кари, передайте мне мою скрипку.

Его маленькие руки потянулись в ожидании воображаемого инструмента.

В последнее время он редко просил скрипку. Я даже чуть-чуть улыбнулась.

Самую чуточку.

Я поставила на пол ведро, отложила белье и представила, что держу в руках скрипку. К этой игре я успела привыкнуть. Поднесла скрипку к его рукам. Со стороны могло показаться, что я совершаю какое-то подношение, а он его принимает. Маленькие руки *взяли* скрипку, он изобразил свою пантомиму: устроил инструмент под подбородком и взял смычок.

– Спасибо, мисс Мак-Кари. Что бы я без вас делал.

– Только сильно не размахивайте, – забеспокоилась я. – Ваша... рана зарубцевалась, но резких движений делать все же не следует... Играйте что-нибудь плавное.

– В «Капризах» Паганини нет ничего плавного, – назидательно.

тельно изрек мистер Икс.

– Капризы – это у вас! Нелепо стремиться открыть уже закрывшуюся рану!

– Нелепее, чем не желать закрывать до сих пор открытую? – Он загадочно улыбался, настраивая несуществующий инструмент. – Но если вы уже закончили со мной пререкаться, я прошу лишь об одном: скажите, чтобы меня не беспокоили до ужина.

Ручки его заметались в демоническом неистовстве.

4

Насчет Арбунтота все оказалось правдой, истинной правдой.

Выходя, я увидела, что дверь к соседнюю комнату открыта. Оттуда доносился шум.

Я заглянула внутрь. И сначала не поверила своим глазам.

Мебель вынесли, сняли даже фиолетовые шторы, которые так нравились прежнему обитателю комнаты. Осталась лишь кровать с балдахинном. Камин был общий для двух комнат, с той же засорившейся трубой; его уже успели протереть. Гетти Уолтерс и еще одна служанка работали вениками и тряпками. Как поступил Понсонби с мистером Арбунтотом? Может быть, выкинул из окна?

– Вот же ж как, Энни, мистера Арбунтота переселили в пятую комнату в западном крыле, на этом этаже, – рассказы-

вала Гетти. – И, поверь мне, я уж не стану об этом горевать.

– И я тоже, – подхватила служанка, вытиравшая комод.

Я вспомнила: на этот комод Арбунтот выкладывал дагерротипные снимки с подпольных спектаклей, на которых он побывал. Все снимки были крайне *непристойные*. Арбунтот хотел стать актером, но не сумел и потому сделался навсегда подпольных театров. Его путь был диаметрально противоположен пути моего брата Энди, который тоже мечтал стать актером, но отказался от театра, увидев первый подпольный спектакль. Арбунтот не нравился никому из нас, потому что страдал от *такого*, что нельзя произносить вслух, от *такого*, чем заражаются джентльмены, слишком часто посещающие злачные места. Арбунтот оказывал предпочтение полным женщинам, так что Гетти и старшая сестра Брэдок держались от него подальше. Хотя всем было известно, что по-настоящему ему нравится именно Брэдок. Однако – вот они, загадки человеческого сердца, – мы не отваживались сказать об этом Гетти. Нам почему-то казалось, что она расстроится.

Еще одна загадка: прежде в этой комнате я чувствовала себя *неудобно*, но теперь эта пустая неприкрытая нагота внушала мне настоящую печаль. Я спросила себя: как мог доктор Понсонби согласиться переместить одного пансионера, чтобы удовлетворить пожелание другого? Неужели дело только в деньгах? Семья Арбунтота тоже богата. Что-то здесь нечисто.

Я наблюдала, как Гетти величественно машет веником – так она выглядела при выполнении любой работы, а едва начинала говорить, становилась ужасно суматошной.

Гетти Уолтерс. Первый человек, встретивший меня в Кларендон-Хаусе, когда я приехала три месяца назад. Ей, как и всем, наверное, предоставили самое общее объяснение моего невообразимого поступка, и я сомневалась, что Гетти была способна такое объяснение понять. И вот что еще важнее: найдется ли снова место для меня в ее обширном материнском сердце? Рядом со мной та самая Гетти или она сейчас ритмично и хладнокровно выметает меня из своей жизни, как пыль из комнаты Арбунтота? Внезапно мне показалось крайне важным оставаться в глазах других людей такой же, какой я была прежде.

А потом Гетти снова заговорила, не глядя на меня:

– Энни, ты ходила в «Виктори» на «Черную Шапочку»?

Я ответила, что нет, и Гетти плутовато улыбнулась и залилась краской от самого чепца до двойного подбородка.

– Это... *скандальная* пьеса? – спросила я.

– Охохохонюшки, – взвыла она. – Там просто диву даешься, откуда берутся женщины, способные на такое!..

И вторая служанка подхватила ее смех, выставив на обозрение дырки между зубов.

Я улыбнулась. Если Гетти рекомендует мне такие *скандальные* пьесы, значит это наша прежняя Гетти.

Сьюзи Тренч, с которой я столкнулась в коридоре, сообщила, что Понсонби собирает всех медсестер в своем кабинете. Мне и самой хотелось к нему попасть, чтобы выяснить, как он объяснит переселение Арбунтота. Кабинет директора Кларендона располагался на первом этаже рядом с бухгалтерией мистера Уидона. Понсонби не было на месте, когда мы подошли, в комнате были только Нелли и Джейн. Сьюзи встала рядом с ними по одну сторону от двери, оставив меня в одиночестве с другой стороны. За спиной Джейн слышалось тихое пощелкивание, как будто стучались маленькие косточки: это старая миссис Мюррей взяла возле окна. На нас она даже не взглянула.

– Привет, Энни, – сказала Нелли.

– Энн, – сказала Джейн из-под своей *благопристойной* вуали – только у нее, достаточно молодой и привлекательной, имелись причины, чтобы носить вуаль.

– Доктор Понсонби спустился в подвал вместе с мисс Брэддок, – пояснила Нелли. – Он скоро придет.

– В подвал?

– Да. Мы тоже не понимаем зачем. А еще они переселили Арбунтота.

– Странные вещи творятся, – высказалась Джейн. Они взирали на меня как на одну из таких вещей.

– Энн Мак-Кари. – Я услышала гнусавый голос миссис Мюррей. – Продолжаешь ухаживать за чудовищем?

Сестры посмотрели на старуху с укоризной – но не слишком уверенно. Я почувствовала, что краснею под белым чепцом.

– Миссис Мюррей, мистер Икс – это еще один из пансионеров. Я прошу вас...

– Еще один из пансионеров... – Мюррей не поднимала взгляда от своего рукоделья. Она сидела, повернувшись боком к маленькому окну, выходившему в маленький садик. – Вместе с которым вы творили ужасные дела...

Наступила тишина. Это было хуже всего: тишина вокруг меня, потому что мне нечего ответить. Ее нарушило появление мистера Понсонби, а следом за ним и Мэри Брэддок. Директор осмотрел собравшихся хозяйским взглядом и остановился на мне, точно силясь припомнить, кто я такая. Он неторопливо обошел вокруг письменного стола и занял позицию напротив нас. Мэри Брэддок – быть может, за неимением другого места, хотя мне хочется верить: чтобы меня подбодрить, – встала рядом со мной.

Понсонби был полностью погружен в «состояние Понсонби»: торжественный, раскрасневшийся, сознающий собственную важность. Он вздымал лысую голову, его напояженная маковка указывала путь в вечность, он постукивал по френологической модели черепа, украшавшей его стол. Его чувство долга было такого сорта, что Понсонби не мог

себе позволить что-либо утверждать без незамедлительного опровержения – наверное, чтобы учесть и все возможные исключения. Это делало его речь маловразумительной.

– Так, ну, во-первых... Хотя, кажется, не во-первых, ведь сначала следует поприветствовать мисс... – Я помогла доктору, напомнив свою фамилию. – Мисс Мак-Кари, вот именно. Мы очень рады вашему возвращению под этот кров. Следующее – как вы, наверно, знаете или пока не знаете, Кларендон-Хаусу предстоит расцвести с появлением достойнейшего мужа, друга нашего пансионера мистера Икс. Я собрал вас, чтобы сообщить, что этому гостю следует уделить первостепенное внимание, хотя он и не является пансионером в точном смысле слова. Вернее сказать, и является, и не является. Здесь будет его пансион, но он будет не совсем пансионером. Я отвел этому джентльмену помещение рядом с комнатой мистера Икс, следуя пожеланиям последнего, хотя ради этого нам и пришлось подвергнуть определенным... неудобствам – я не сказал бы, что большим, но некоторым – нашего пансионера мистера Аберкромби... Кстати говоря, как он себя чувствует, мисс Трой?

Сьюзи Тренч, которой был поручен уход за Арбунтотом, выдала свои фразы-половинки:

– Мистер Арбунтот... Сожалею, сэр... Я с ним не говорила...

– Ну так зайдите к нему, мисс Тейлор, принесите извинения и выкажите понимание. В Кларендон-Хаусе не бывает

пансионеров второй категории. Здесь могут быть более или менее сложные случаи, однако у всех – первая категория. Или у большинства. У подавляющего большинства.

– Доктор... я должна с ним поговорить?.. – Сьюзи в испуге распахнула свои и без того большие глаза.

– Именно так я и выразился.

– Я схожу, – вмешалась Нелли. – Я взрослая женщина. Как-нибудь разберусь.

Помимо прочего, Нелли была замужем и растила детей. Это придавало ей определенную уверенность. Однако, судя по выражению лица Нелли, ее уверенность не слишком-то годилась для подобного поручения.

– Нелли, не беспокойся, я... – Сьюзи колебалась. – Я его медсестра...

– Может быть, у меня получится, – подключилась Джейн. Сьюзи и Нелли разом выдохнули «нет», они были *skonфужены*. Обе подруги опекали юную Джейн.

Я наконец поняла, что происходит: *непристойности* место на сцене, а Арбунтот сделал ее частью своей личной жизни. Он был *отмечен*.

Миссис Мюррей то ли засмеялась, то ли закаркала:

– Ни одной девушке не пристало навещать «маркиза» Арбунтота... Если кого-то здесь интересует мое мнение...

Понсонби перебил ее энергично, но без раздражения:

– Интересует, но не сейчас, миссис Мюррей.

Старуха пропустила его слова мимо ушей. Она могла себе

такое позволить. Она была живой легендой Кларендона. Она работала здесь еще при отце Понсонби, и нынешний Понсонби хранил ее, точно портрет прадедушки, любовно, но все же отстраненно, зато он позволял миссис Мюррей такие вольности, которых мы, прочие, и не чаяли удостоиться. И Понсонби делал для нее еще одно исключение: никогда не ошибался в ее фамилии.

– Извини, Понсонби, но я должна это сказать. – Старуха говорила медленно, ей было тяжело выдерживать вес стольких слов, произнесенных на протяжении долгой жизни. – Этот «достоинейший» джентльмен не принесет Кларендону ничего хорошего, заруби себе на носу. Потому что он друг мистера Икс, колдуна. А всякий друг этого существа в равной степени злокознен.

Повисло неловкое зловещее молчание, но «состояние Понсонби» сумело справиться и с этим.

– Спасибо, миссис Мюррей. Я, если не возражаете, продолжу. Неважно, кто из вас пойдет к мистеру Арбунтоту, но кто-то должен сходить. Ему следует со всей вежливостью объяснить, что сейчас все мы подвержены треволнениям более могущественным, чем человеческие желания. Не совсем, но до какой-то степени да. Когда все завершится, он, если захочет, сможет вернуться в свою комнату.

Образ могущественных треволнений поверг нас в уныние. А потом раздался голос Брэдок:

– Выбирайте, кто из вас пойдет, потому что я идти не на-

мерена.

В этом мы все были единодушны: старшая медсестра должна быть избавлена от унижения. Как я уже говорила, мистеру Арбунтоту нравилась Мэри Брэддок.

И тогда, не дожидаясь решения, я подняла руку:

– Доктор Понсонби, я пойду. Я провела месяц вне Кларендон-Хауса, и... мне будет полезно, чтобы не потерять навык ухода за другими пациентами.

С вами такое случалось? Вы произносите одну фразу, и это оказывается *та самая* фраза, которая переворачивает всю ситуацию. Так вот, именно это и случилось.

Лица медсестер выражали разные оттенки облегчения и благодарности.

– У меня нет возражений, мисс Мак-Пирсон. Нанесите ему визит. Этот человек не должен стоять на пути процветания нашего пансиона. – И Понсонби снова вернулся в «состояние Понсонби». – Потому что, заверяю вас, Кларендон вступает в фазу доселе невиданного процветания...

– Ну что за идеи, – оборвала доктора миссис Мюррей. – Давай продолжай в том же духе, если тебе так хочется.

6

Мое добровольное согласие оказалось удачным шагом. Сьюзи поблагодарила меня улыбкой. Нелли пригласила («Ты ведь не забыла, что...») на собрание общества «Медсестры

за чаем» на следующий день. Джейн Уимпол нежно пощекотала мое ухо своей *благопристойной* вуалью, наклоняясь ко мне и спрашивая мое мнение о «Черной Шапочке» и «Разбитой посуде». При этом она мило хихикала. Меня приняли обратно, и я почувствовала великое облегчение.

Неизвестно, что они думали об ужасном поступке, который я совершила, но уважать меня они не перестали.

Когда все разошлись, Брэддок осталась со мной в холле один на один. Черты ее морщинами сползались к центру круглого лица под высоким чепцом.

– Благодарю тебя, Энни. Мистер Арбунтот... В общем, ты знаешь: он успел совершить в жизни достаточно ошибок. И все-таки он заслуживает человеческого обхождения. Как твои дела?

Глаза мои затуманились, в горле вырос ком.

– Я рада, что вернулась, Мэри.

– Энн.

Она обволокла мое тело большущими руками, как когда-то в больнице, но теперь я чувствовала себя совсем иначе. И не противилась объятьям.

Со временем Мэри Брэддок превратилась в добрую подругу. Именно она первой прибежала на мои крики, когда я достаточно пришла в себя, чтобы отбросить нож и позвать на помощь. Брэддок начала отдавать распоряжения, ни о чем меня не спрашивая, ничего от меня не требуя, зная, что по-

лучит объяснение позже, облекая меня самым полным доверием. Она села со мной в карету скорой помощи – вместе с Джимми Пигготом и маленьким мальчиком, в которого превратился истекающий кровью мистер Икс, она доставила его в королевскую больницу. Я помню этот кошмар в мельчайших подробностях. В больнице нас принял хирург старой школы, Уоллес Поттер. Из тех, кто уверен, что надевать перчатки, прикрывать нос и губы маской значит «обабиться», кто не приемлет хлороформа, поскольку – по словам Поттера – крик пациента является диагностическим свидетельством его боли. Блистательная, кстати сказать, фраза. То, что невозможно ампутировать, Поттера не интересовало.

Шевеля своими громадными бакенбардами, доктор вынюхивал боль, точно легавая собака.

– Кхм, загноением не пахнет, – определил он, а потом промыл и закрыл рану, убедившись, что ампутировать нечего, поживиться не удастся. – Он поправится, если только Мадам Жар не нанесет ему визит вежливости.

Мадам Жар – этим именем Поттер ласково прозвал гангрену – появилась в ту же ночь: я увидела ее во сне. Глаза у Мадам Жар были как мушиные яйца, дышала она проказой, пальцы были облезлые и горячие, но все равно она напоминала Генри Марвела Младшего (он же мистер Игрек), а на меня глядела с издевкой.

– Ну что, Энн, щекотка? – сказала гостья. – Вот уж точно, отменная *щекотка*! А ты долго смеялась, Энн? Мы мо-

жем и дальше тебя щекотать. Вот увидишь. СО СМЕХУ ПОМРЕШЬ!!

Я видела, как Мадам Жар склоняется над моим пациентом и горячечными губами целует его в лоб. Когда в ту первую ночь в больнице я проснулась от собственного крика и плача, рядом была Мэри Брэддок.

– Энн! Энн! Это был только кошмарный сон! – Мэри меня обняла.

Через неделю Поттер сказал, что опасность миновала, останется только безобразный шрам.

В первое мгновение мне показалось, что он говорит обо мне.

Время тогда тянулось очень медленно. Каждый час давил тяжким грузом, даже когда мистер Икс начал поправляться, и я уже спала не рядом с ним, а в комнате, которую предоставили мне любезные сестры из королевской больницы. В последние дни перед выпиской я иногда проводила целое утро или целый вечер, не видя его, потому что в моем присутствии не было необходимости и потому что мне хотелось плакать в одиночестве этой комнатки без окон.

Конечно, нас часто навещали.

Пришли все мои товарки по Кларендону. Не скажу, что путешествие было дорогостоящим: Кларендон-Хаус находится в Саутси, в богатом районе, а «Роял» – так мы, портсмутцы, называем королевскую больницу – на западе, рядом с портом, но если вам знакома сладость дружеской поддержки

в час беды, вы согласитесь, что наша благодарность другу не зависит от расстояния, которое пришлось преодолеть.

И все они явились с подарками: Нелли Уоррингтон принесла рисунки своих детей с подписью «ПАправляйтесь, сэр»; Сьюзи – пирожки от миссис Гиллеспи; Джейн – мужской носовой платок; миссис Гиллеспи – еще пирожки из своей щедрой печки; даже Гетти Уолтерс, как всегда смеясь и плача, принесла тарелку с кусочками баранины (все, что осталось после дня рождения лорда Альфреда С.), потому что добрая женщина знала, что мистер Икс не щадит даже косточки от славного барашка.

Но Мэри Брэддок, помимо цветов, принесла и кое-что еще.

Как я уже говорила, Мэри низенькая и очень полная, что еще больше подчеркивалось отсутствием высокого чепца, уступившего место синей шляпке. Но ее открытый искренний взгляд делал ее более прекрасной, чем сценический танец – молоденькую балерину.

Мэри Брэддок, единственная из всех, начала разговор, ни словом не упомянув о случившемся. Ни «такого горя», ни «как ты себя чувствуешь?» – вместо этого она подошла ближе и улыбнулась.

– Джейн и Сьюзи пытаются меня уговорить сходить с нами в театр на выходных. Сейчас много повторных показов, театры снова открылись после... Да, после дела Убийцы Нищих... Ты слышала о новой игре – это загородный *поиск со-*

кровища для взрослых, «Женщина японца» – вроде так?

– «Женщина, написанная японцем», – уточнила я. Даже в больнице обсуждали этот театр под открытым небом с татуированной девушкой в главной роли.

– Точно, а в «Виктори» дают премьеру малопристойной «Черной Шапочки»; а в «Лайтхаусе» – «Разбитую посуду», о которой отзываются как о лучшей провокации сезона... Но ты ведь знаешь: мне человеческий театр не по душе.

Да, я знала. Мэри Брэддок любила неживые представления: марионеток, «человечков», кукол, театр теней, обманки и иллюзии.

– А ты попробуй посмотри что-нибудь человеческое, – бросила я вскользь.

– Да, наверно, стоит попробовать. Вообще это... – Мэри наклонилась поближе. – Признаюсь тебе, мне не нравится человеческий театр, потому что зрелище людей из плоти и крови на сцене уж слишком меня волнует. – Я удивилась. – Да, я знаю: я медсестра, я привычна к виду страданий, и все же... эти чувства в театре... особенно у актрис – они такие же, Энни, какие мы испытываем каждый день в нашем безмолвном мире, вот только артистки, помимо прочего, молоды и привыкли раздеваться... Для меня это сложно... Ты, наверно, думаешь, что я похожа на Гетти. – Мэри смущенно улыбнулась.

– Ты похожа на Мэри Брэддок, – возразила я.

Глаза наши одновременно наполнились влажным блес-

ком. И тут Мэри резко сменила тему:

– Энн, я знаю, как ты сейчас мучаешься.

– Спасибо.

– Я не очень хорошо поняла, что все-таки произошло.

Доктор Понсонби изложил нам все в своем стиле: «Я не говорю, что да, но я и не говорю, что точно нет». – Ей удалось вызвать у меня улыбку. – В чем я уверена – так это что ты не была собой. Будь то гипноз или что-то еще – ты не была собой. – А потом ее пухлая рука преодолела дистанцию, отделявшую ее от меня. – Ты – это как сейчас, Энн. И я здесь для того, чтобы быть тебе полезной.

Я приняла ее слова и ее объятие как свежий ветерок в изнуряющую жару.

И теперь, когда мы обнялись в Кларендоне, я вспомнила ту встречу.

– Ну что, ты в конце концов сходила на «Шапочку» или на «Посуду»? – спросила я с улыбкой.

– Да, на «Шапочку». Мне не понравилось: на сцене одна женщина, совершенно *непристойная*, напуганная, вокруг темнота... Темнота, которую можно потрогать, темнота из тряпок... Публика хлопала как оголтелая, но я такой театр не понимаю...

– Мне, я думаю, тоже бы не понравилось. – И тут я наклонилась поближе. – Мэри, Понсонби переселил Арбунто-та только потому, что его попросил мистер Икс?

Брэддок ответила мне таким же шепотом. У меня возникло ощущение, что она хотела поговорить совсем не об этом. Наши чепцы терлись друг о друга, как шеи диких животных.

– Клянусь тебе, я не знаю. Сегодня утром Понсонби велел мне спуститься вместе с ним в подвал. В подвал! Только представь себе, Энн. Кошмарное место, темное и зловонное... Я испугалась. Вспомнила «Черную Шапочку». Понсонби сказал мне, что ожидает визита каких-то «просвещенных мужей». Это прозвучало так... странно! Он добавил, что наймет рабочих, чтобы они вынесли из подвала всю рухлядь. И назначил меня следить за уборкой.

– Что он задумал? – Мне тоже стало жутковато.

– Больше он ничего не объяснял. Но я-то считаю, что дело связано... – Мэри заговорила еще тише, – с *визитом*. С визитом этого друга мистера Икс.

Как я ни старалась, я не могла вообразить, каким образом пастор и математик, друг моего пациента, может быть связан с преображением подвала, которое затеял доктор Понсонби.

Я успокоила подругу. Сказала, что Понсонби определенно ожидает каких-то важных особ, не имеющих никакого отношения к приезду этого математика, и что он решил обустроить Кларендон, чтобы произвести хорошее впечатление. Это как будто не сильно убедило Мэри Брэддок. Ее беспокоило что-то другое.

– Энни, прости, что спрашиваю, но мне нужно знать...

Этот злодей... Тот, кто подменил доктора Дойла и подверг тебя гипнозу... Есть и другие вроде него?

Я отвела взгляд от ее маленьких глазок: у сестры начался приступ нервного тика.

– Нет, Мэри. Уверяю тебя, все это осталось в прошлом.

Ах, Энни, какая же ты бываешь лгунья!

Мэри медленно кивнула, моргая обоими глазами, и положила руку мне на плечо:

– Спасибо, что вызвалась утешить мистера Арбунтота. Это несчастный человек. И я так рада, что ты вернулась!

Я смотрела, как она медленно удаляется, с достоинством неся свое округлое тело.

Мне было скверно от собственной лжи, однако – как знать? А вдруг мистер Икс на этот раз ошибся – для разнообразия? А вдруг Десять, или Девять (одного мы ведь вычли?), или сколько там еще этих ужасных людей, наконец-то оставят в покое меня и моего пациента?

Но такое мне даже во сне не могло пригрезиться.

Да уж, лучше не скажешь.

7

Я решила, что будет удобнее всего навестить мистера Арбунтота после ужина. Настроение у мужчин, как правило, улучшается после еды; мы, женщины, научились сохранять хорошее настроение, даже когда мы голодны, – весьма полез-

ное качество, когда выясняется, что ты сама и готовишь еду. Вот почему я отложила визит к Арбунтоту, помогла Сьюзи Тренч с пациентами из ее крыла, а потом решила выяснить, закончил ли мой собственный пациент «музицировать» и не готов ли он рассказать мне больше о затее Понсонби.

Он закончил. Но в его комнате уже был посетитель.

– Ах, мисс Мак-Кари, посмотрите, кто так любезно решил нанести нам визит.

– Я еще вчера узнал, что вас выписывают, и сегодня после консультации поспешил к вам.

Доктор Конан Дойл уже протягивал свою руку, и я с удовольствием ее пожала:

– Доктор Дойл, как я рада вас видеть!

– Взаимно, взаимно, мисс Мак-Кари.

Разумеется, Дойл навещал нас и в больнице, но мне доставляла радость каждая встреча с ним, хотя мы и не были близко знакомы.

Благостность момента нарушил голосок из кресла:

– Как все друг другу рады... Но мы с доктором Дойлом уже обо всем переговорили, и хотя он и завершил свою вечернюю консультацию, я еще не завершил своего Паганини. Не угодно ли вам будет показать доктору пляж, мисс Мак-Кари?

– Уверена, это зрелище его поразит. – Мой ответ прозвучал язвительнее, чем я рассчитывала.

– Мисс Мак-Кари обожает гулять по песку, доктор, – от-

метил мой пациент. – Признаюсь, именно благодаря ей я и сам проделал этот опыт, и он был для меня как откровение.

– Что ж, я даже не удивлен. Рад буду насладиться компанией мисс Мак-Кари. – Этот молодой Дойл был не великий юморист, он покивал так важно, как будто я действительно приглашала его посмотреть нечто особенное, и не выказал ни малейшего раздражения, когда мистер Икс поспешил от него отделаться.

– Тогда и говорить больше не о чем, – подытожил мой пациент. – Закройте дверь, когда будете выходить, мисс, и распорядитесь, чтобы ужин принесли попозже. Не трудитесь подавать мне скрипку, она у меня, спасибо.

Мы вышли из Кларендон-Хауса, обогнули стену и погрузили ноги в песок. Хотя солнце было еще высоко, купальщиков на пляже не наблюдалось – только две девушки в длинных платьях и с *пристойными* вуалями; купальни вдалеке выстроились в ряд как заколдованные хижины. С арены в порту Саут-Парейд не доносились крики, так что, возможно, мальчики в этот день не устраивали поединков. Зато был один мальчик на набережной: сахарный человек предлагал полакомиться с его обнаженного тела, смазанного сахаром, тем редким прохожим, что, как и мы, прогуливались вдоль моря; бедное дитя не пользовалось большим успехом.

Дойл вышагивал так, словно его кто-то поджидает на пляже и он боится опоздать. Мне было сложно за ним поспевать. Доктор был в хорошей форме. Он набрал вес и выглядел

весьма элегантно: кончики усов аккуратно напомажены, щеки тщательно выбриты. Серый костюм, шляпа в тон, стильная тросточка; а бронзовый загар придавал ему лихой вид – вполне под стать его молодым годам.

– Я снова открыл консультацию на Элм-Гроув, – рассказывал Дойл. – И знаете, что самое забавное? Большинство пациентов за моей спиной соглашались, что мой... заместитель (они называют его «предшественник») был симпатичнее, чем я.

– Ну что вы говорите, это неправда, – ответила я из вежливости, хотя и знала, что это правда.

Потому что обличье коварного двойника, которым воспользовался мистер Игрек, было настолько обворожительным и манящим, что он сразу же (ох, Энни) привлек меня на свою сторону и удерживал до самого конца, а вот настоящий Дойл был серьезный, почти суровый джентльмен, в чем-то не лишенный очарования, но все равно он не шел ни в какое сравнение с инкубом, забравшим его имя.

«Да, ну и что с того? – подумала я. Симпатия – это медаль, которую в определенных ситуациях мы просто обязаны сорвать с груди бессовестного мужчины, как бы он ее ни заслуживал».

– Понимаете, я ведь не был знаком с Генри Марвелом – по крайней мере, с тем, каким он был на самом деле, так что мои пациенты, возможно, и правы. – Пароходная труба на горизонте выпускала колечки дыма. Может быть, эта картин-

ка побудила Дойла закурить сигарету. – И все же я решил не убежать. Я не хочу трусливо оставлять Портсмут, где я еще до начала лета положил открыть консультацию, всего лишь из-за того, что какой-то преступник воспользовался моим именем и клиентурой.

– Вы правильно поступили.

– К тому же для моего литературного вдохновения эти события, безусловно, были... скажем так, более чем полезны. – Я вспомнила, что в свободное время Дойл делал свои первые шаги на литературном поприще. Об этом я знала даже до нашего знакомства, поскольку «заместитель» замещал доктора и в этом занятии. – Как вы себя чувствуете?

– Все в порядке, – ответила я, задыхаясь. Дойл неумолимо шагал вперед.

– Я отмечаю прилив энергии в мистере Икс. Полагаете, этот союз убийц снова... нападет?

Не имело никакого смысла врать этому человеку, ведь он только что разговаривал с моим пациентом.

– Так полагает мистер Икс. И меня это сильно тревожит...

– Господу известно, как бы я хотел воздать им по заслугам.

Желание похвальное, но мне захотелось сменить тему.

– Вы и сейчас пишете?

Дойл улыбнулся, чуть ли не в первый раз. Коротенькая улыбочка, как в часах, где открываются створки, высовывается птичка, а потом створки захлопываются.

– Я решил сделать рассказчика врачом.

– Что, простите?

– Того, кто рассказывает о приключениях моего детектива. Помните?

– Ну да, конечно, Шерман Холмс!

– Шерлок Холмс, – поправил Дойл без обиды.

– Простите. Какая я дурочка. Последние дни выдались такие тяжелые...

– Да, я прекрасно вас понимаю. – Дойл поднимал и опускал свою трость как солдат, тренирующий ружейные приемы. – Рассказчик будет врачом. И он будет немного похож на меня: усы, приключения... Как я, только глупее. Такой фон невольно поможет воссиять солнцу Холмса. – И доктор внезапно указал тростью на небесное светило: вжжжик! – Чтобы читатель на него и не смотрел.

– Это... потрясающая идея, доктор, – похвалила я, так ничего и не уразумев. К тому же я имела глупость проследить за докторской тростью, глаза мои на мгновение ослепли, и мне пришлось их протирать. – Я уверена... получится просто здорово.

– Обучаюсь премудростям ремесла. Ваш пациент, мисс Мак-Кари, дал мощный толчок моему вдохновению. – Доктор смутился и сменил направление. – А еще я должен признаться, что мне очень стыдно: я не позволил мистеру Икс использовать имя моего детектива в частных беседах, а ему так хотелось...

– Не беспокойтесь. Мистер Икс больше не возвращался к этой теме. – Я подумала, что моя попытка разрядить атмосферу была ему неприятна, и добавила: – Хотя, конечно же, я понимаю, что не так-то просто забыть о Шерма... о Шерлоке Холмсе.

– Ну разумеется, мистер Икс о нем не забыл. Он сказал, что ожидает приезда своего оксфордского друга. Хорошее начало.

– Начало?

– «Посетитель». Именно так, в кабинете, и должна начинаться детективная история: клиент приезжает, чтобы поделиться своей проблемой. Гениально. – И Дойл пнул камушек. – Вы знаете, я записался в футбольный клуб Портсмута. Я вратарь. И у меня неплохо получается.

– Просто чудесно.

– Я придерживаюсь мнения, что писатель должен писать, но потом... – Он помахал рукой. – Потом ему следует развешаться, вы меня понимаете. Физические упражнения. Это важно. Он будет боксером...

– Я так поняла, что речь о футболе...

– Не я, а Холмс. Я хочу сотворить его худощавым, интеллигентным, но физически крепким. Ему лучше других известно, что следует развивать все грани личности, помогающие поддерживать активность мозга... Но... что за чертовщина!

На набережной сахарного мальчика окружила ватага ре-

бятни: они не только соскребаали с него весь розовый сахар, которым было смазано тело, но еще и не платили за угощение. Использовать детей для работы сахарного человека незаконно, но порой на набережной и на пирсе встречалось и такое. И даже девочки. Работать сахарным человеком – не лучшее ремесло для взрослого неудавшегося актера, но дети – это просто жестоко. Дойл сошел с песчаной полосы и поспешил на помощь. Я шла следом.

Мальчику было от силы лет восемь-девять, тело его бороздили дорожки сахара – он напоминал зебру. А шалопаи его окружили и орудовали ложками, успевая еще и хохотать над протестами мальчугана, которые вскоре превратились в жалостный плач. Он умолял, чтобы ему дали хотя бы монетку. Увидев приближающегося Дойла, мучители кинулись врассыпную, но не забыли совершить и финальное злодеяние: сорвали пояс с ложками, который у сахарных людей украшен надписью «По пенни за скребок». Дойл не стал преследовать шалопаев. Вместо этого он вложил в засахаренную детскую ручонку два шиллинга. Мне понравился и этот жест, и его энергия в борьбе с несправедливостью.

– Ступай домой и скажи отцу, пусть он сам гуляет вымазанный сахаром. А еще передай, что я врач этого района и если я тебя еще увижу за этим делом – сообщу в полицию.

Мальчуган уже улепетывал прочь, его босые пятки были вымазаны всем, чем угодно, только не сахаром. Дойл вздохнул:

– Мне кажется, самое ужасное в бедности – это *нравственная* деградация... Но идея с бедными мальчиками мне нравится.

– Простите, не понимаю.

– Бедные мальчишки наподобие тех, что помогали мистери Икс, приносили новости об уличных происшествиях... Хорошая идея для моего Холмса. – Доктор улыбнулся. – Стайка сорванцов.

Я улыбнулась в ответ, и мы двинулись дальше. Теперь меня интересовало, способен ли этот человек произнести две фразы подряд, не упомянув о своем писательстве.

Оказалось, что да, способен.

Когда говорил о чужом писательстве.

– Мисс Мак-Кари, а вы тоже пишете?

– Я?

– Да-да, именно вы. До того как... это случилось... В общем, до помещения мистера Икс в больницу... Вы говорили, что собираетесь записать все, что с вами произошло.

– Ах, вот вы о чем. Я до сих пор не начала. С вашим увлечением это не сравнится.

Если честно, у меня уже были разрозненные записки. Но я не писательница. Я просто хотела изложить факты на случай, если что-то случится с мистером Икс или со мной. И потихоньку записывала все в тетрадку.

– Если вам нужен мой совет по литературной части, буду рад помочь. Первое лицо или третье?

– Кхм... – Я не желаю признавать, что снова не понимаю, о чем вообще идет речь. – А что не так со вторым?

– Ну нет, это порочная идея. Конечно, выбирайте первое лицо. В вашем случае это наилучший способ повествования. Я и сам склонен им воспользоваться. Я буду вести записки от лица врача... Мне не дает покоя эта идея с «Союзом Десяти». Хотя десять – слишком много для романа, идея все-таки хороша. Ну а подмена людей... это... это... – Дойл застыл посреди пляжа. – Это единственное, за что я благодарен тем мерзавцам: за опыт. Думаю, писатель должен знать, как преобразовывать опыт... Как превращать свинец реальности в золото вымысла. В любом случае именно этим я и занимаюсь изо дня в день. Господу известно, я не оставляю своих попыток...

Я молча смотрела на Дойла. Я поняла, что с ним происходит.

Ему, как и мне, было отвратительно то, что с ним проделали (доктора, чтобы устранить из игры, убедили, что он «умер»), и теперь он пытается защитить себя и утешиться так же, как и я, – с помощью единственной работы, которая ему по-настоящему нравится.

– Как жестоко они с вами поступили, доктор Дойл!

Три волны успели нахлынуть на песок, прежде чем Дойл выдохнул дым и ответные слова:

– С вами, мисс Мак-Кари, они обошлись еще хуже. Но мистер Икс сумел разобраться. Мы все сумели разобраться.

Он не выражал мне сочувствия, его слова наполнились энергией. Может быть, потому, что он был врачом. Врачи редко бывают сентиментальны.

– Спасибо. Я пытаюсь об этом забыть. – Я понимала, что это ложь.

– Я пытаюсь это записать. – (Мы помолчали, глядя на море.) – Мистеру Икс до сих пор грозит опасность, это несомненно, но когда с ним беседуешь, ничего такого не скажешь. Он для меня бесценный источник вдохновения, и все-таки... не думаю, что мой персонаж будет... В общем, мистер Икс – человек особенный.

В словах Дойла не было ничего оскорбительного, но я понимала, что он имеет в виду.

– Да, он сумасшедший, – определила я, глядя на далекий горизонт. – А я порой думаю, что с безумием можно сражаться, только будучи безумным...

– Точно-точно, война сумасшедших. А мы с вами в самой гуще, пересказываем эту войну для здравомыслящих. Красивая метафора для мира, в котором мы живем, мисс МакКари. – Он улыбался, но не мне. Он улыбался морю, которое в ответ скалило зубы белой пены.

Доктор Дойл нравился мне все больше. Он был в своем роде тоже человек, чем-то *отмеченный*. Как мистер Арбунтот. Как мистер Икс. С собственным безумием на плечах. Он смотрел на море, как и я, но не думаю, что он видел море таким, как я: Дойл не замечал мощи этих вод, их власти

над землей, не чувствовал влажности, которая омывала мои чувства. Он видел другое, внутреннее море – как мистер Икс видит свою скрипку. Мужчины упорно цепляются за невидимые вещи. Порой я задаюсь вопросом: если бы на свете жили только женщины – была бы на свете религия?

– Мисс Мак-Кари, вы мне очень нравитесь, – очень серьезно сказал Дойл.

– Спасибо, доктор, вы мне тоже.

– Я вставлю вас в рассказ. – И Дойл обернулся ко мне. – Экономка. Вам нравится?

Я пожала плечами:

– А платят хорошо?

Это был первый – я не преувеличиваю – раз, когда Дойл при мне рассмеялся. Это был очень мужской смех. Я представила себе Дойла хохочущим в пабе, где он празднует победу своей футбольной команды.

Мы повернули обратно к Кларендону. Ветер был западный, теперь он дул нам в лицо. Я сделала глубокий вдох. А доктор, разумеется, был занят собственными мыслями.

– Определенно у него есть план. – Дойл раздавил окурок своей сигары. – Я надеюсь вскорости познакомиться с его оксфордским другом. И готов помогать ему в дальнейшем.

Мне снова стало тревожно. Я остановилась возле калитки у ограды Кларендон-Хауса. Я уже говорила: от Дойла у меня нет никаких секретов. В конце концов, он ведь врач.

– Доктор, все это может быть опасно. Вы же знаете... Эти

люди...

Дойл не дал мне закончить:

– Что такое Шерлок Холмс без опасности? Отец должен познать опасность, чтобы обучить своего сына. – И Дойл притронулся к шляпе. – Мисс Мак-Кари, благодарю за чудесную прогулку.

Он уходил так же, как и гулял по песку: солдатским шагом, с одержимостью человека, идущего к своей цели. «Такой человек далеко пойдет», как выразился бы мой отец.

8

Когда я поднялась в комнату, мистер Икс был все так же захвачен своим воображаемым концертом.

Задернутые шторы. Темнота.

Он сидит в одиночестве, кресло под ним поскрипывает. У него влажный лоб.

Я знала, что дело не только в скрипке. Однажды он рассказал, что с помощью этой «не-музыки», которую слышит только он, ему удастся попадать в «не-место» внутри его рассудка, он именует его «Хрустальный дворец». Там он хранит все, что узнаёт и даже воспринимает интуитивно. И хотя то, что он воспринимает и предчувствует, было в равной степени недоступно моему зрению, я с легкостью допускала, что он может все это складировать в воображаемом месте. Работа с безумцами сделала меня понятливой.

Я вышла и стала ждать, когда из комнат вынесут посуду после ужина. Тогда я нанесу визит мистеру Арбунтоту.

Когда я наконец отправилась к Арбунтоту, было уже темно. Я без труда прошла по неосвещенному коридору, потому что дверь нового жилища мистера Арбунтота зеркально повторяла расположение двери моего пациента: западное крыло, пятая, она же последняя. Я тихонько постучалась:

– Мистер Арбунтот, это Энн Мак-Кари. Вы меня помните? Можно мне войти?

Никто не ответил, я отворила дверь и, не заходя внутрь, еще раз произнесла его имя. В дверном проеме мне открылись красные отблески преисподней. Камин в новой комнате Арбунтота работал исправно (теперь это стало очевидно), а от поленьев летели искры. Я заглянула внутрь: Лесли Арбунтот сидел на стуле возле своей новой кровати, а вокруг него все багровело.

Я вздрогнула. Я не ожидала, что он будет обращен ко мне *лицом*. Вероятно, я слишком привыкла к разговорам со спинкой кресла. У Арбунтота были крупные черты лица, изрытые кратерами старой оспы. Все это было прикрыто копной угольно-черных волос. Кожа – смуглая, точно закоптившаяся от свечей на подпольных представлениях. Арбунтоту было около сорока, он был самым молодым пансионером Кларендон-Хауса, но он так сильно горбился, что выглядел гораздо старше своих лет. На нем был халат кричаще-алого цвета, в тон его спальни. Между отворотами халата курча-

вился треугольник *волосни* (да простит меня читатель за такие слова), и я подумала, *что на нем больше ничего и нет*. Арбунтот манил меня рукой с длинными заостренными ногтями (таков был его стиль) и улыбался.

– Мисс Мак-Ка-а-ари... Ну как вас можно не запомнить! Сюда, сюда, сюда-а-а-а-а...

Последнее «сюда» как будто затерялось на дне глубокой пропасти. Он говорил, растягивая слова – следствие болезни, которая приобретается в театральных притонах и в конце концов разжижает мозг. Я видела таких в клинике Эшертон, однако Лесли Арбунтот пока что находился на раннем этапе разложения, который отдельные авторы именуют «венерическим». Неуклюжесть движений еще не проявилась, но болезнь давала о себе знать вязким нарушением артикуляции и жестов. Это было достойно скорее сожаления, а не осуждения.

На своей постели Арбунтот на манер пасьянса разложил картинки, собранные им в различных театрах, – они были до того непристойные, что служанки (по их признаниям) протирали их, зажмурив один глаз, чтобы не вглядываться, и открыв другой, чтобы не порвать.

Я все-таки осторожно вошла внутрь, закрыла дверь, и меня обволокла невыразимая смесь табака, нюхательных солей, дыма и масла от лампы, горящей на старом чиппендейловском комодe – на нем тоже валялись картинки. Я отвела глаза.

Это действительно было гнездо порока, но в тот момент я обратила внимание только на непростительную поспешность переселения: фиолетовые шторы повесили кое-как, толстые шнуры не закрепили, бархатное кресло задвинули в угол; абажур под потолком висел недопустимо криво; персидский ковер валялся свернутый и был похож на сигару великана.

Беднягу Арбунтота буквально вывели из комнаты по приказу мистера Икс.

Разумеется, я пришла в негодование.

Впрочем, мое негодование длилось ровно до тех пор, пока я не бросила взгляд на очередную карточку, которую Арбунтот положил поверх стопки: обнаженная женщина с *умопомрачительно раздвинутыми ногами*, а руки там, куда их не следует помещать ни одной женщине.

– У вас все хорошо, сэр?

– Хорошо-о-о? – Клянусь вам, он отвечал вопросом на вопрос. – Есть кое-какие проблемки...

– Сэр, от имени доктора Понсонби и Кларендон-Хауса приношу вам наши искренние извинения и заявляю, что мы глубочайшим образом сожалеем о...

– Да-а-а? А я желаю сообщить Кларендон-Хаусу, что глубочайшим образом понимаю эти действия. Я – ритуальный черный козел отпущения. И для меня нет места в белом храме богов...

И все-таки Арбунтот выглядел не рассерженным, а на удивление счастливым. Я, хотя и одурманенная липким жа-

ром, несмотря ни на что, силилась вспомнить слова, произнесенные Понсонби:

– Сэр, мы должны учитывать, что наблюдается наплыв... когда наплыв пройдет...

– Молчи, Сатана, молчи! Я уже в преисподней, не лги мне! Ты уже получил свою добычу! – Эта неожиданная тирада меня напугала. – Ага. Вы трепещете? Тогда я доволен. Это означает, что мне удалось вас убедить. Актеру нравится доставлять страдания и страдать самому. Мне вспоминается реалистическое представление в особняке одного аристократа, имени которого я называть не стану: главную роль играла тридцатилетняя дама, вынужденная платить по долгам своего супруга. После представления женщина покончила с собой. Но это было поистине художественное действо: несколько участников вызвались декламировать, в то время как другие подвергали актрису кое-каким вещам, а я тогда получил приз за лучшее исполнение. Я, мисс Мак-Кари, как тот начинающий актер из «Сна в летнюю ночь», который жаждал играть все роли сразу. Я ведь был не только зрителем: я поднимался на сцену и спускался в ямы, хотя и не в качестве актера, вы меня понимаете...

– Я пришла только для того... – пролепетала я, задыхаясь, вжавшись в дверь.

Но Арбунтота было не остановить. Он снова принялся перебирать свои карточки.

– Вам не за что извиняться. Я привык, что меня обслужи-

вают последним. Вы знаете, это ведь отец не позволил мне стать актером. О-о-ой, для него это была профессия не из *достойных*. Не то чтобы мой отец слишком блиста-а-ал... Он был зубодер... мне бы следовало сказать – дантист... Когда я признался, что мечтаю стать артистом, он посмотрел на меня и сказал... – Тут Арбунтот заговорил чужим голосом, старческим и скрипучим: – «Генри, если ты еще раз заикнешься об этой омерзительной профессии, я привяжу тебя к зубному креслу и вырву твой язык. Я предпочитаю иметь сыном немого хирурга, а не балабола, который говорит со сцены». Наверное, чтобы потрафить отцу, я делал и то и другое... Я поднимался на сцену, но ничего не говорил – за исключением того представления в особняке. Я не был ни публикой, ни актером. Я не был ничем. Только *сифилитиком*. – (Я привожу здесь это слово, потому что Арбунтот его произнес, а я хочу передать его речь правдиво.) – О-о-ой, не прячьтесь от этого слова, ведь вы медсестра! – Это был упрек. – Мы живем в мире, где в театрах аплодируют вещам, которые внушают отвращение снаружи. После смерти я познакомлюсь с автором всего этого, и я ему скажу: «Старый лицемер, посмотри, что за пьесу ты сотворил: в ней боль обыденна, а наслаждение иллюзорно!» – Арбунтот разглядывал свои дагерротипы. Оглаживал дрожащим пальцем контуры детских ягодиц. А потом улыбнулся. – Простите. У меня в голове – как будто камешек застрял в ботинке, вот я с вами и поделился...

Но я уже думала совсем о другом.

Кажется, Арбунтот это понял. Он замолчал.

Его слова нашли во мне отклик. Нелепо признаваться в таком перед человеком из потустороннего мира, но именно он навел меня на мысль, а меня можно называть как угодно, только не неблагодарной!

Я посмотрела в его глаза: в них плясали язычки пламени.

– Не нужно извиняться. Кажется, я вас понимаю.

В глазах появилось любопытство.

– Понимаете?

– Да, сэр, я тоже... Мне тоже знакомо чувство потерянности и вины. Когда рядом нет никого, кто бы тебя понял... Я знаю, что это такое – совершить ужасный поступок из чистого наслаждения. Наслаждения, о котором нельзя говорить, потому что никто не сумеет... Потому что сейчас я сгораю заживо от одной мысли, что, совершая это... я ощутила наслаждение.

Я склонила голову. Сквозь плач я расслышала слова Арбунтота:

– О-о-ох, мисс Мак-Кари. О таком вы не можете говорить даже с Богом. Так почему бы не поговорить с дьяволом?

– Спасибо, сэр. – Я вытерла слезы.

– У нас у обоих по камешку в ботинке.

– Вы правы, сэр.

Я улыбалась, слезы капали. Арбунтот ответил мне только улыбкой.

И кажется, в этот момент его *нравственное* загнивание стало для меня чуть менее очевидным. И кажется, для мистера Арбунтота стала менее очевидна моя *пристойность*.

– Чтобы жить в обществе, мы выметаем всю *грязь* на сцену, – изрек Арбунтот. – Но вот однажды... У-у-у, мисс МакКари, однажды все взлетит на воздух, уверяю вас. Мужчины, женщины и дети выскочат голяком, в обнимку, как в *tableaux vivants*¹, и побегут по улицам, громогласно выкрикивая, что лицемерная мораль сторела дотла. А до тех пор верно написанное: зло облачится в личину добра. И Кларендон – не исключение. Здесь тоже гнездится зло.

Последнюю фразу я не совсем поняла.

– Что вы имеете в виду?

Но Арбунтот долго и странно смотрел на меня, а потом поднялся.

– Простите, я вас напугал... Вы уже ходили на «Черную Шапочку»? Возьмите.

Он протянул мне программку театра «Виктори» со *скандальным* изображением актрисы Эдит Роулэнд. Так называемые распространители приносили в Кларендон программки для тех пансионеров, кто мог посещать спектакли, так что ничего удивительного, что экземпляр оказался и у Арбунтота. Я поблагодарила.

– Хорошая постановка. Я ходил на прошлой неделе с Джимми Пигготом и собирался пригласить мисс Брэддок, но

¹ Живые картины (фр.). – Здесь и далее примеч. перев.

не думаю, что она согласится... Мэри Брэддок, прекрасная и добрая женщина...

– Да, сэр. Она беспокоится о вашем самочувствии, мистер Арбунтот.

– В самом деле? Передайте ей, чтобы не беспокоилась обо мне. Да, она такая же, как и вы, – прекрасная и добрая.

– Спасибо. – Я покраснела. – Я передам служанкам, чтобы привели тут все в порядок.

– Не имеет значения, – вздохнул он. – Будь что будет, но если вы уже познали наслаждение, вы, как и я, получили свои тридцать сребреников... Этого нам хватит на хорошую веревку...

9

Наш разговор произвел на меня странное воздействие: я сделалась тревожнее снаружи, но внутри мне стало легче. Как будто меня освободили от одной боли, нанеся более глубокое проникающее ранение. Я, безусловно, не одобряла *безнравственность* Арбунтота, но он помог мне понять, что и я тоже заглянула в тот же самый колодец.

В тот вечер я читала не «Алису», а программу «Черной Шапочки». Заснула я моментально. Мне приснилось, как я готовлю чай и передаю чашку моему пациенту, но когда я вытащила нож, я не вонзила его в тело, а застыла, разглядывая собственное лицо в лезвии.

Улыбающееся лицо с высунутым кончиком языка.

Лицо во время *щекотки*.

Я впервые рассматривала это лицо как нечто мое. Не что-то желанное или допустимое, а принадлежащее мне. Принадлежащий мне ужас. И я приветствовала его теми же словами, какими Мэри Брэдок приветствовала меня.

С возвращением домой, Энни.

ПОРТСМУТ АЙ

ТЕАТРАЛЬНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

Черная Шапочка
Полупристойная драма
Г. Вандербильта. Театр «Виктори»

Леди Хелен Редхуд¹ (эту роль с блеском исполняет мисс Эдит Роулэнд, bravo, bravo, bravo!) каждую ночь видит один и тот же сон: ее пожирает волк. Днем она наслаждается жизнью прелестной вдовушки, купающейся во внимании многочисленных поклонников красоты и богатства; ночами она чувствует на себе горящий взгляд, ощущает себя преследуемой, вдыхает запах голодного зверя. И вот однажды эта изысканная, обворожительная дама с длинными распущенными волосами цвета воронова крыла (из одежды на ней только черная шапочка), понимает, что единственный способ бороться с ее кошмаром — это сделаться кошмаром в кошмаре. Никаких рук, никаких аплодисментов недостаточно, чтобы воздать должное невероятному мастерству мисс Роулэнд; нет глаз, способных устоять перед совершенством этого белого тела, которое на черной сцене выглядит точно свеча среди мрака...

Э. Аддисон

¹ Редхуд (Red Hood) — букв. «красный капюшон»; Little Red Riding

Льюис Кэрролл в Стране кошмаров

1

Миссис Гиллеспи готовит потрясающие пирожки. Она печет их из всего, что только можно есть: от моркови, кабачков и баранины до изюма и ежевики. Она готовит пирожки на рассвете, и восхитительный запах приветствует тебя, когда ты сходишь вниз в униформе – если ты работаешь медсестрой в Кларендоне, – ведь кухня расположена под нашей лестницей. Но на следующее утро после встречи с Арбунтоном я проснулась поздно, и, когда второпях спустилась, меня ждал не аромат пирожков миссис Гиллеспи, а голос миссис Гиллеспи – он тоже поднимался вверх, как и запах пирожков, но был куда менее аппетитен. Так вот, пока я спускалась по узким ступенькам, я слушала ее жалобы, выражаемые без раздражения – потому что миссис Гиллеспи миролюбива, доброжелательна и радушна, – но со смиренной покорностью судьбе.

– Вот так-то, и даже ничего не поделаешь! И мне за такое не платят.

Я вскоре поняла, на что жалуется миссис Гиллеспи: пришли мужчины. Не то чтобы мужчины ее пугали, но именно эти конкретные представители оказались для нее и ее кухон-

ного царства чем-то вроде монголо-татарского нашествия. Это были мужчины из порта, в засаленной одежде, липких башмаках и с пропитыми лицами. Они поднимались и спускались в подвал, не минуя кухни, увозюкивали все на своем пути, добавляя работы служанкам, а еще они нуждались в обильном завтраке, и это уже была забота миссис Гиллесли, которая совершенно справедливо утверждала, что не нанималась наполнять желудки полку дикарей.

Спускаясь на кухню, я встретила двоих потных рабочих: они волокли тяжелый стеллаж со старыми архивами; тот, что шел вторым, посмотрел на меня и осклабился: в его улыбке недоставало всех зубов, кроме клыков. К тому же он был косоглаз. Бедная миссис Гиллесли, раздававшая поручения служанкам, даже не поздоровалась со мной – куда девалось ее всегдашнее утреннее радушие? Она меня не заметила. Я подумала, как же печально вернуться в Кларендон и обнаружить, что Кларендон, скажем так, уехал, не дождавшись меня.

– Энн... Всё... Уже здесь!

Вот что я услышала, проходя через холл. Ковер был перепачкан грязными следами, так что несложно было восстановить путь рабочих до телеги возле калитки – туда сгружали всю рухлядь, которую выносили из подвала. Сьюзи Тренч спускалась по ступеням лестницы для пансионеров и отчаянно взывала ко мне.

– Кто? – спросила я.

– Кто?! – повторила она чуть не со злостью. – Она... Женщина... японца! Сама знаешь кто!

Когда ты только что проснулась и у тебя еще ночной туман в голове, в таком потоке разобраться нелегко. Сюзи с трудом сдерживала смех.

– Женщина японца, Энни!

Я наконец поняла. Ходили слухи, что актриса из нашумевшего *поиска сокровища* для взрослых «Женщина, написанная японцем» могла найти убежище в любом достаточно просторном доме. На нее можно было неожиданно наткнуться в собственной гостиной, на диване в гостинице, на рейсовом пароходе: она свивалась в клубок, как большая белая кошка, ее тело было испещрено прекрасными и загадочными письменами-черточками. Но это был лишь один из мифов, возникающих вокруг нашумевших представлений. В Портсмуте часто повторяли: «Я видел женщину японца».

– Да что ты, Сюзи. – Я даже досадливо сдвинула брови.

Всегда приятно видеть смеющуюся Сюзи Тренч, даже если она смеется над тобой.

– Энни, ты совсем спишь! Посетитель, кто же еще! – Медсестра порывисто схватила меня за руку. – Он приехал на первом поезде, так что... Я пошла... Мне пришлось его встречать. Это джентльмен... такой джентльмен! Он уже в комнате! Мистер Икс хочет, чтобы ты зашла к его гостю.

Последнюю фразу я услышала, уже взбегая по лестнице.

Я остановилась перед предпоследней дверью – перед комнатой, которую раньше занимал мистер Арбунтот, я поправила юбку, разгладила передник, проверила, ровно ли сидит чепец на голове, и тихонько постучалась. «Посетитель! – эхом отдавалось в моей голове. – Посетитель!» Хорошее начало, как сказал бы Дойл.

Вежливый голос пригласил меня войти. Шторы были раздвинуты, сиял свет. В этом свете великолепно смотрелась нагота бывшей берлоги Арбунтота – над этим потрудились Гетти и другие служанки. Тишина была разлинована тиканьем часов на комод. Багаж еще не успели разобрать. В кресле с низкой спинкой, обращенной к окну, сидел довольно высокий мужчина. Мне были видны его длинные седые волосы и черный сюртук.

В первый момент этот образ показался мне странным – точно оборотная сторона комнаты мистера Икс: свет вместо темноты, человеческая голова вместо высокой спинки.

С другой стороны, я отметила и сходство. Этот человек тоже сидел ко мне спиной, в прибранной комнате – в отличие от мистера Арбунтота с его потным лицом, обращенным ко мне посреди багрового извращенного беспорядка.

Я представилась со всей учтивостью, на какую только была способна.

Джентльмен поднялся и поклонился мне, отложив книгу, которую держал в руках:

– Да-да, в самом деле. Мне очень приятно, мисс Мак-Кари. Мистер Икс много о вас рассказывал. Он вас очень ценит. По свойству транзитивности я тоже вас теперь ценю. Я преподобный Чарльз Доджсон, профессор математики в оксфордском колледже Крайст-Чёрч, ныне на пенсии.

Кто бы мог предположить, что этот человек сыграет такую важную роль в нашей истории!

Его улыбка отражала печаль – или, может быть, жизненный опыт. Седые волосы и очки на конце носа не нарушали ощущения мягкости, деликатности и изящества, которыми светилось его лицо. Голос был шелковистый и звонкий, как у человека, привыкшего говорить с церковной и преподавательской кафедры. Я уже упомянула его темный сюртук с высоким крахмальным воротничком и черным галстуком, но в его нерешительных движениях, во всей манере держаться было что-то, свойственное человеку не мрачному, а погруженному в себя.

Больше всего меня поразили его глаза: наивность уживалась в них с тревогой, как у детей-сирот, вынужденных преждевременно повзрослеть, чтобы выжить; такие дети подозрительно озираются вокруг, готовые при малейшей угрозе приспособиться к роли взрослого. А еще в этих глазах так много печали!

– Путешествие прошло хорошо, ваше преподобие? –

спросила я.

Это был не самый удачный вопрос, однако в тот момент я еще не знала. Он покачал головой. И побледнел.

– Я, по крайней мере, добрался. Что ж, не будем заставлять ждать нашего друга... – Выходя из комнаты, он подарил мне еще один печальный взгляд. – Мне сказали, что вы спите со мной.

Я, как нетрудно догадаться, застыла на месте:

– Прошу прощения?

Пастор обернулся на пороге. Легкая улыбка разгладила его черты.

– Мистер Икс сказал, что вы каждую ночь засыпаете с моей книгой. Я автор «Алисы в Стране чудес». А еще я большой шутник. Нерегулярно.

3

Я поставила стул для его преподобия с левой стороны от кресла, чтобы наш гость мог видеть моего пациента. Между мужчинами я расположила столик, на нем поместила поднос с чаем, который принесла служанка.

Сама я осталась стоять. Я до сих пор была поражена и даже злилась на нелепый обман: ведь мистер Икс утаил от меня псевдоним своего друга. Однако поначалу эта тема даже не упоминалась. Должна сказать, что поздоровались друзья весьма странным образом: святой отец, которого с этого мо-

мента я буду называть Кэрролл (это имя, кажется, всем вам хорошо запомнилось), стоял и смотрел на фигурку в кресле. Мистер Икс, в свою очередь, устремил свои бесцветные глаза в никуда. Сначала было молчание, потом завязался диалог:

– Рад встретиться с вами, ваше преподобие.

– Рад видеть вас снова и в добром здравии, мистер Икс.

– Признаюсь, моя радость от этой встречи безгранична.

– Моя радость имеет предел, но стремится к бесконечности.

Здесь они выдержали паузу.

А потом театральный занавес как будто опустился, и мужчины заговорили совсем другим тоном.

– Ну что ж, насладимся кратким отдыхом, – предложил мистер Икс. – Мисс Мак-Кари, приношу свои извинения, но вскоре вы, надеюсь, поймете, почему я не предоставил вам полные сведения о моем друге. С тех пор как меня решили убить, никакая осторожность не будет излишней. Такой пароль не является безупречной защитой, однако теперь мы по крайней мере знаем, что его преподобие – тот человек, за которого себя выдает. И кстати, дорогой друг, если бы мне нравилось прикасаться к своим так называемым «ближним», я бы воспользовался объятиями.

– Весьма сожалею, но и у меня нет привычки никого трогать, мистер Икс, вам это известно, а посему я дам вам кое-что другое. – И Кэрролл взглянул на меня, чуть заметно склонив голову. – Мисс Мак-Кари, у меня длинный список

фобий, а еще со мной случаются маленькие неприятности, которые только увеличивают этот список. Слух мой чрезмерно чувствителен, меня нервирует любой неожиданный шум, но я компенсирую этот недостаток частичной глухотой правого уха. Со мной приключаются мигрени, приступы обостряются, когда со мной говорят громким голосом, но я и это компенсирую глухотой. Если я заранее не продумываю свою речь, то начинаю заикаться, но это я компенсирую тем, что тщательно продумываю каждое слово. А это я, наверное, компенсирую на бумаге: мне нравится писать всякие глупости. В остальном я такой же, как и все.

– И это последнее он компенсирует, оставаясь моим другом, – добавил мистер Икс.

На сей раз мужчины рассмеялись. Я не все расслышала, поскольку мистер Икс смеялся в своей манере, мягко и почти неслышно, а Кэрролл – в традициях британской аристократии, издавая тихие побулькивания и слегка покачивая плечами.

Но мне, которая только и делала, что слушала этих гениев, оправдание мистера Икс вовсе не показалось достойной причиной, чтобы держать меня в неведении.

Мне пришло в голову гораздо более земное объяснение: зачем посвящать в свои секретки медсестру, которая пыталась тебя *убить*? На его месте я бы тоже приняла меры предосторожности, даже если бы верила, что все случилось под воздействием «театра».

«Энн Мак-Кари, – сказала я себе, – твое тело испещрено татуировками: маленькими черточками цвета крови. И сейчас, когда ты стоишь тут в форме благопристойной медсестры, даже мистер Кэрролл способен прочесть письма твоего преступления».

И я решила, что так будет даже лучше: пускай они напрямик объявят о своем недоверии.

В эту минуту Кэрролл снова обратился ко мне:

– Мисс Мак-Кари, то, что произошло с вами, – ужасно. Возможно, вас не сильно утешит мое признание – я тоже странствую среди теней; но меня действительно утешает, что в этом странствии вы – моя спутница.

4

Откуда у слов эта архаическая власть? Или дело только в том, что слова, точно пчелы, выбирают правильные цветы? Я посетила немало бессловесных представлений, где тело создает собственный язык, не прибегая к речи, однако, по моему скромному мнению, такие постановки несравнимы с хорошим текстом, который произносится актером, знающим свое ремесло.

Какой же у меня был дурацкий вид после емких и поэтических слов утешения от мистера Кэрролла! Впервые с тех пор, как начался мой кошмар, эта гигантская глыба льда – мое одиночество после моего немислимого деяния – начала... не

то чтобы таять, но терять острые края и размягчаться.

– Спасибо, ваше преподобие, – ответила я. Его преподобие взмахнул рукой. – Пожалуйста, садитесь.

Но Кэрролл еще постоял, глядя на моего пациента.

– Мистер Икс, мне нужна ваша помощь.

– У вас был еще один?

– Точно так. Несколько дней назад.

– Итак?

Кэрролл ответил не сразу. Теперь мне было явлено чувство, которое он до сих пор держал в себе: бесконечная тоска.

– Мистер Икс, мы, безусловно, говорим о сверхъестественном! Последний тоже исполнился!

– Ох.

Такого «ох» я никогда прежде не слышала от моего пациента. Оно было как воздух в темном туннеле, как стон актрисы в самом непристойном театре. Я наклонилась к креслу, чтобы заглянуть в его лицо. Двухцветные глаза сильно расширились и пылали.

– Мы встретились с чем-то настолько фантастичным, что оно просто вынуждено оказаться реальным... Но прежде чем вы изложите мне последние события, почему бы вам не рассказать мисс Мак-Кари обо всем, что случилось ранее? Я бы мог сделать это и сам, однако ваше повествование будет гораздо лучше, потому что вы писатель, вы умеете быть кратким и одновременно увлекательным.

– Благодарю вас, мистер Икс. Я буду рад заново рассказать эту историю и выслушать мнение мисс Мак-Кари.

5

Кэрролл наконец уселся на стул, я налила ему чай и тоже села. Мистер Икс выглядел счастливым – то ли оттого, что его друг снова рядом, то ли предвкушая удовольствие от той части истории, которой он до сих пор не знал. Я слышала, как он ерзает в кресле.

– Прежде чем начать, я должен предупредить, мисс Мак-Кари, что эта история кажется невероятной мне самому. Только вам, мистер Икс, уж и не знаю как, удалось обнаружить нити, связывающие ее с реальностью – страшным, но неоспоримым образом. – На этом месте печальные глаза Кэрролла снова обратились в мою сторону. – Дело в том, мисс Мак-Кари, что вся моя история состоит всего лишь из нескольких сновидений... Поверите вы или нет, но это все, что я должен вам пересказать: мои кошмары.

Я задалась целью хорошенько запомнить все повествование, которое и правда оказалось захватывающим. Наш гость начал рассказ, вперившись в чашку чая:

– Для начала я сообщу некоторую информацию о себе: я родился в Чeshire, пятьдесят лет назад, в загородном поместье. Мне с детства нравились математика и сочинение историй. Первое увлечение я вскоре сделал своим основным

занятием. Я учился в Оксфордском университете, а потом стал преподавателем математики в колледже Крайст-Чёрч, в том же университете. Что до второго увлечения – мне потребовалось вдохновиться путешествием по Темзе в компании моего коллеги и трех юных дочерей декана Лидделла, для которых наш пикник явился сюрпризом.

Поначалу это было очень скучное плавание. Ничто не указывало на его важность для моей дальнейшей жизни. Прибрежные артисты давали свои представления для тех, кто, как и мы, проплывал мимо в тот солнечный вечер. Все спектакли были похожи друг на друга – с танцовщицами-сиренами, которые выныривали из воды или покачивали своими гибкими телами в высокой траве, завлекали гримированной наготой и пытались приманить наши деньги особыми позами и взглядами. Но, безусловно, это было зрелище не для детей, и сестры Лидделл начали скучать и просили меня рассказать сказку. Я выдумал историю о девочке, которая путешествовала по иному миру. Им очень понравилось, особенно маленькой Алисе, которая была... – Кэрролл ненадолго умолк. – Она была средняя из трех сестер и, по моему мнению, самая очаровательная, да простят меня другие девочки. По возвращении я записал свой устный рассказ. Он оказался увлекательным тем, кто его прочел, я его доработал и опубликовал под названием «Приключения Алисы в Стране чудес», под псевдонимом Льюис Кэрролл. Он имел решительный успех. Я разбогател. Я продолжал читать лекции и

с удовольствием занимался фотографией, иногда отдавал в печать свои произведения – всегда под псевдонимом... Вре-
мя шло, и давние события уходили от меня все дальше...

В прошлом году я оставил преподавательскую работу. По-
следние рождественские праздники я провел, как и всегда, в
Гилфорде вместе с моими сестрами – и вдруг без всяких ви-
димых причин ощутил глубокую пустоту: быть может, пото-
му, что я никогда не имел определенной цели в этой жизни,
помимо служебных задач, а когда я перестал их выполнять,
то лишился последнего, что у меня было. Приятель пореко-
мендовал мне «Пикок», оксфордский пансион для джентль-
менов, и я решил там ненадолго поселиться. Не знаю, мисс
Мак-Кари, доводилось ли вам слышать о пансионах «Пи-
кок»...

Я кивнула в ответ. «Кому же не доводилось?» – подумала
я. В сравнении с «Пикоком» Кларендон – это хижина. Ало-
изиус Пикок открыл несколько таких пансионатов по всей Ан-
глии.

– Я переехал в январе нынешнего года, – продолжал Кэр-
ролл, – и по прошествии двух месяцев почувствовал себя
лучше. Строго говоря, я ничем не занимался. Я смотрел
отдохновенные представления Джамбаттисты ди Луки: они
столь изысканны, что кое-кто поселяется в «Пикоке», един-
ственно чтобы иметь возможность их посещать; я читал, по
утрам я занимался математикой в своей комнате, а по выход-
ным беседовал с главным врачом пансиона, доктором Уэб-

бом, о состоянии моего здоровья.

Каждый день после обеда смотритель по имени Грэм усаживал меня на стул перед окном в гостиной, а другой смотритель усаживал лицом к стене другого пансионера: тот всегда появлялся раньше меня. Затем этот пансионер уходил, а я оставался. Ничего необычного.

Однажды, по причинам, которые я не замедлю вам сообщить, Грэм подвел меня к окну значительно раньше обеда. Вот тогда-то джентльмен со стула возле стены со мной и заговорил:

– Сегодня вы пришли раньше, сэр.

– Да, сэр, – признал я.

– И не выспались.

– Как вы узнали?

– Элементарно: я слышал, как вы зеваете, занимаясь подсчетами в своей тетради.

– Вы очень наблюдательны. Я действительно провел беспокойную ночь. Мне приснился кошмар.

– Если бы я не выспался ночью, я был бы вынужден спать утром дольше обычного и не явился бы сюда раньше моего привычного расписания, – заметил он.

– Вы правы, – согласился я, – но я все же спал, хотя и плохо. К тому же я обычно занимаюсь математикой в своей комнате, а сегодня мне помешал мой новый сосед. – Я кивком указал на третьего джентльмена в гостиной: служитель поставил его стул возле другого окна. – Его зовут сэр Джона-

тан Кармайкл, и, как вы можете убедиться, такого человека сложно попросить не храпеть.

Несчастный сэръ Джонатан выглядел древним стариком. Определенно, он страдал каким-то умственным расстройством, потому что сидел с открытым ртом, с губ его стекала ниточка слюны. И это его храп заставил меня покинуть мою спальню. Я собирался поговорить с доктором Уэббом о возможности перебраться в другую комнату... Но, кажется, в этом нет необходимости.

– Стены здесь толстые. У вас, видимо, превосходный слух, – отметил мой собеседник.

И я открыл ему, что, хотя и глуховат на правое ухо, левое у меня очень чувствительное, мне прекрасно различимы неожиданные шумы, от них я впадаю в беспокойство. А потом я посчитал, что будет правильно назвать себя и свой род занятий. Но когда наступила очередь моего собеседника, он снова меня удивил:

– Ваше преподобие, у меня нет имени. Называйте меня Икс или используйте любую другую переменную, которая вам ближе как математику.

Эти слова заставили меня приглядеться к нему повнимательнее. Тело было очень маленькое, голова очень большая, глаза разных цветов тоже выглядели необычно, но отсутствие имени казалось еще более странным. Он был как персонаж одной из моих историй.

– Забавно, что мы никогда не беседовали, – сказал я. –

Мы же видимся каждый день...

– Я никогда вас не видел. Я слепой.

Должен признаться, новая информация поразила меня еще больше.

– Тогда как же вы узнали, что я занимаюсь вычислениями?

– Благодаря тому что я тоже чрезвычайно чувствителен. Ваше преподобие, отчего бы вам не поделиться со мной этим страшным сном? Он наверняка представляет интерес.

Но я ответил отказом. Быть может, человек, подобный моему собеседнику, и нашел бы его интересным, но на меня он произвел откровенно гнетущее впечатление, нервы мои были расшатаны. Вместо этого я принялся расспрашивать своего необычного собеседника: он поведал, что проживает в пансионатах для душевнобольных с самого детства, что у него действительно нет имени, что ему ничего не известно о его семье и что он спокойно готов признать себя сумасшедшим.

Несомненно, очень любопытный персонаж. Больше мы в тот день не разговаривали.

На следующий день и еще через день я просыпался не рано – вскоре я объясню почему. Тревожность моя возросла настолько, что я обратился за помощью к доктору Уэббу; я даже, не вдаваясь в детали, пересказал ему свои кошмары. Доктор порекомендовал мне представления ди Луки. Участвующие в них девушки изящны, томны и холодны как сосульки, у них золотистые волосы и млечно-белая кожа,

они движутся под звуки сонат Баха для скрипки и клавесина. При виде таких колыханий желание приглушается искусством и зритель погружается в состояние абсолютного покоя. Мне стало лучше. И вот на третий или четвертый день перед обедом я вернулся к моему месту у окна, уже успокоившись.

– Я уже начал по вам скучать, ваше преподобие, – сказал мистер Икс. – На сей раз кошмар был еще хуже?

Я снова недоумевал, как он мог догадаться. Быть может, услышал легкое дрожание моего карандаша, когда я вычерчивал линии и цифры в тетрадке? Как бы то ни было, я не видел необходимости скрывать то, что он и сам угадал в точности.

– Значительно тяжелее, сэр, – кратко ответил я.

– Я полагаю, вы видели второй сон на следующую ночь после первого, – добавил мой собеседник, и я воззрился на него с изумлением. – Ах, мне это известно потому, что мой смотритель рассказал, как вы своими криками переполошили нескольких пациентов... Даже вашего соседа, мистера Кармайкла, переместили на другой этаж... Но взгляните на этот случай с положительной стороны: вас больше не будет беспокоить его храп.

Об этом печальном происшествии я уже знал. Я хотел принести извинения, однако Грэм объяснил, что это не имеет смысла: сэр Джонатан, кажется, сошел с ума после смерти дочери, и говорить с ним – то же самое, что швырять монеты

в колодец. А маленький джентльмен настойчиво продолжал:

– А после второго сна был еще третий?

– Благодарение Богу, нет.

– Мне бы очень хотелось знать, что вы увидели в этих снах... Ах, второй сон был, вероятно, столь ужасен, что вы не могли сюда выбраться целых два дня...

В конце концов я решил ему рассказать. Я уже открылся доктору Уэббу, и тот не придал моим кошмарам никакого значения, посчитал их следствием моего невроза, так что я ничего не терял, удовлетворяя любопытство этого человека, а еще я надеялся, что после моего рассказа он оставит меня в покое.

– В первый раз мне снилось, что я нахожусь в какой-то комнате. Вокруг было темно, но я видел смутные тени. Тени производили какие-то непонятные действия, и от этого мне было страшно. А потом из их скопища выделилась одна тень... На ней была очень высокая шляпа-цилиндр. Я услышал: «Десять! Десять!» Это был одновременно вопль радости и ужаса. Вдалеке сверкнул свет, и я понял, что эти фигуры... склоняются над каким-то телом. Я, дрожа, подошел ближе. Но ничего не смог разглядеть. Я проснулся... Вот и весь сон...

– Да, он интересный, – оценил мистер Икс. – А еще он зловещий.

– Несомненно, – согласился я.

– А второй?

– Он был... гораздо лучше... выстроен, – осторожно начал я. – Я снова видел эти создания... Тот, что в цилиндре, снова выделялся из всех... И снова был голос, но на этот раз он не кричал. Он звучал как шепот. Он говорил какие-то слова. Что-то с тем же числом: десять. «Да, Десять, но вы не должны о них упоминать... Не должны, если вам дорога жизнь!»

– Крайне интересно, – заметил мистер Икс. – Что еще там было?

Остальное, безусловно, имело отношение исключительно к моему увлечению геометрией.

– Пожалуйста, расскажите.

– Это произнес тот же голос, как будто обращаясь к кому-то другому: «Итак, оставьте вашу подпись здесь: горизонтальная линия касается окружности в центре левой стороны... Не забудьте... Это Знак, запомните! Это Знак!..» И наконец: «Добро пожаловать в „Союз Десяти“, мистер Игрек!.. Этим летом в Портсмуте мистер Игрек совершит важное дело... Так утверждает мистер М, старый профессор». Вот и все, – закончил я.

– Хорошая память, а в остальном – невероятно, – поздравил меня этот странный субъект. – Но вы сказали, что в своем первом кошмаре наблюдали «тени». А во втором – «создания». Почему?

У меня имелась на это веская причина, но я с самого начала предпочитал о ней не упоминать. Теперь я сдался:

– Дело в том... Во втором сне я разглядел их лучше... У одного была... голова как у зайца, у другого – кроличья, у третьего – кошачья... Я не мог разглядеть очертания того... кто был в цилиндре... Но от его облика волосы вставали дыбом.

– Ваше преподобие, их облик показался вам знакомым? Ваш тон свидетельствует именно об этом...

Мой собеседник обладал невероятной проницательностью. Вздыхнув, я рассказал о своем писательстве и об опубликованных мною книгах. Разумеется, мистер Икс о них слышал, хотя сам и не читал. И тогда я объяснил, чем меня так напугали эти «создания».

– Они напоминали... некоторых персонажей моей книги, «Приключения Алисы в Стране чудес». Там есть заяц, есть кролик, есть кот... Тот, что в цилиндре, может быть Безумным Шляпником...

– Ах, я попрошу, чтобы мне как можно скорее прочитали эту книгу. А тот знак с линией и окружностью? Определенно, ваше преподобие, это геометрия, то есть ваша область.

– Именно об этом я и подумал, когда проснулся, – признался я. – И зарисовал все так, как было во сне. Но я не нахожу в этом рисунке очевидного математического смысла. Взгляните. – Я набросал рисунок на листке бумаги и протянул мистеру Икс. – На что это похоже?

– Вы забыли, что я слеп.

– Простите...

Действительно, этот человек был такой особенный, что ты поневоле забывал о его физическом недостатке. Я как мог описал свой рисунок: палочка, присоединенная к кругу. Если вам угодно, я сейчас воспроизведу для мисс Мак-Кари... Не беспокойтесь насчет письменных принадлежностей, мисс: тетрадь и отточенный карандаш у меня всегда с собой.

6

Демонстрируя талант геометра, Льюис Кэрролл двумя безупречными штрихами начертил рисунок, который я привожу ниже.

– Это вообще ни на что не похоже, – высказалась я. – Ну, может быть, головка с длинным тонким носом.

Кэрролл взирал на меня с вежливым удивлением, но слово взял мистер Икс:

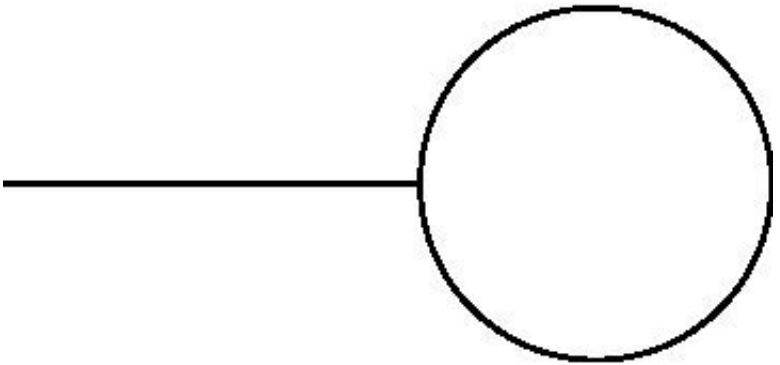
– Не волнуйтесь, ваше преподобие: мисс Мак-Кари из тех, кто в облаках видит слонов. Пожалуйста, продолжайте.

«Только посмотрите, кто заговорил: это же наш мистер скрипач!» – возмутилась я про себя. Однако повествование мистера Кэрролла так меня захватило, что вслух я ничего не сказала.

Итак, я описал свой рисунок мистеру Икс. И тот неожиданно улыбнулся.

– Спасибо, ваше преподобие.

– За что?

– За то, что предложили мне эту задачу. Она поистине невероятна.

Я спрашивал себя, чему он так радуется. Неужели он почувствовал в этом рисунке нечто такое, чего не могу разглядеть я?

– Мы закончили? – спросил я чуть резче, чем мне бы хотелось.

– Это зависит от вас. Ваш кошмар на этом завершился?

Я ответил, что да, – несколько сухо. Я спрятал рисунок, а вскоре руки юного прислужника мистера Икс, светловолосого прыщавого юноши по имени Билли, ухватились за стул моего собеседника, чтобы отнести его на обед.

Мисс Мак-Кари, вы когда-нибудь пытались о чем-то забыть? Тогда вам известно, что это особый сигнал для нашей по-собачьи преданной памяти, чтобы она раз за разом приносила нам именно это воспоминание. У меня такое случилось с тем нашим оксфордским разговором. Я одновременно и радовался, и сожалел, что умолчал о последней части своего сна. Я был уверен, что в ту же ночь заплачу за свое умолчание новым кошмаром, но спал я хорошо. И в следующую ночь тоже.

На третью ночь я тоже... заснул крепко.

Я увидел новый кошмар – куда страшнее и с гораздо более разрушительными последствиями.

8

У меня перехватило дыхание, я прижала руку к груди, когда раздался стук в дверь, – это случилось так неожиданно! Вошла служанка, принесла свежий чай и пирожки от миссис Гиллспи.

Я, сообразно моим скромным дарованиям, попыталась перенести на бумагу голос Кэрролла, повествующего о своей

тайне, но вы даже представить себе не можете, каково было слушать этот рассказ в комнате, куда в этот пасмурный день почти не проникал солнечный свет.

Я страшная трусиха, из тех особ, что трепещут и дрожат на готических представлениях и даже на нечастых «визионерских» постановках, однако мало какой театр обладает той силой воздействия, которой обладал голос Кэрролла и его манера изложения. Он заставлял меня жить в этой истории, погружаться и видеть все так, как будто главным героем являлся не он, а я сама.

Я так ждала продолжения, что даже не притронулась к пирожкам. Писатель отведал лишь один, он тоже ощутимо волновался, но миссис Гиллеспи могла не переживать за оставшееся на тарелке: мистер Икс стремительно смел все угощение. Мой пациент обладал отменным аппетитом, если сопоставить его с размерами тела, которое ему следовало кормить.

Не удовлетворившись пирожками, мистер Икс побуждал своего гостя продолжить рассказ.

Кэрролл элегантно закинул ногу на ногу, и его голос вознесся к потолку, как ароматный и густой дым из трубки.

– Мне приснилось, что я нахожусь в комнате пансиона «Пикок» – не в том месте, полном теней, а в моей настоящей спальне, в постели, но все-таки в темноте. И в комнате я не один. Передо мной были все те же существа: с головой зайца, с головой кролика, с головой кота... и тот, в цилиндре.

Они собрались вокруг того, что я не мог рассмотреть. Я сел на постели, чтобы лучше видеть, и тогда существо в шляпе обернулось ко мне. Лицо его было как гнездо теней...

– Преподобный Доджсон.

Я оцепенел от ужаса. Порождение моих снов впервые обратилось ко мне.

– Вы не должны были никому ничего рассказывать, – продолжал этот человек.

Я видел, как он что-то достает из своего темного костюма: это был очень тонкий нож. Я сразу же узнал нож для писем, который хранился в моем столе: он имел форму шпажки. Человек в цилиндре поигрывал ножом, зажав между пальцами.

– Вы никому не должны были рассказывать о своих кошмарах, – повторил он странным голосом, который, казалось, состоял из голосов нескольких людей. А потом он поднес острое лезвие ближе и спокойно вонзил мне в лицо. Я хотел закричать, отстраниться, но не мог – как это и бывает во сне. И хотя я не ощущал никакой боли, из надреза полилась кровь, она залила простыни и мою ночную рубашку. Существо в шляпе вытащило длинное окровавленное лезвие. – В следующий раз, когда вы меня увидите... – произнесло оно. – Будет смерть.

Я проснулся еще до зари. В неясном свете я разглядел, что простыня и рубашка испачканы кровью. Мисс Мак-Кари, я вижу, как вы напуганы. Вы, наверно, подумаете, что я совсем потерял голову в тот момент.

– Я бы потерялась, – призналась я.

– Я понимаю вас. Но поскольку моя профессия – это математика и логика, я, хотя и верю в духов и потусторонний мир и даже в пророческие сны, всегда провожу разграничительную линию между миром иным и повседневной реальностью. Вот почему я проявил хладнокровие. Я сказал себе, что нужно искать рациональное объяснение. Я вылез из постели и удостоверился, что все это – не видение: на простыне и на рубашке была настоящая, уже подсохшая кровь. Потом я ощупал лицо: пальцы мои покраснели. Причину я обнаружил в маленьком зеркальце над умывальником: ночью у меня шла носом кровь. Иногда при мигренях со мной такое случается, но только не во сне.

Самое логичное объяснение показалось мне истинным: пока я спал, из носа пошла кровь, и мозг мой создал из этого происшествия гнетущий кошмар. Так бывает нередко: с нами что-то случается, пока мы спим, и реальное событие становится частью сновидения.

Я не придавал ночному инциденту значения, даже начал думать, что и мои предыдущие кошмары в равной степени являлись плодом моих недугов. В конце концов, я проживал в этом пансионе из-за проблем с нервами.

После умывания я почувствовал себя лучше, позавтракал с аппетитом, посмотрел изысканное представление Моргесона, где в декорациях из папье-маше выступала балерина, укрытая только ажурным треугольным лоскутом, а потом я

вернулся к себе, чтобы заняться привычными делами. На моем рабочем столе лежали письма, доставленные из Крайст-Чёрч, почти все адресованные моему псевдониму: слуги пересылали их в «Пикок». Это были письма от незнакомцев, но я знал, что в большинстве случаев писали девочки, прочитавшие моих «Алис» и мечтающие об экземпляре с автографом. Повздыхав и поулыбавшись над ворохом конвертов, я выбрал один наугад, открыл ящик стола, тихонько мурлыкая мелодию из постановки Моргессона, достал нож в форме маленькой шпажки... и отпрянул, уронив нож на стол: он был похож на «острый меч», которым убивают Бармаглота в моей второй «Алисе», он был нацелен на конверты своим тонким лезвием, испачканным в чем-то, что могло быть только *кровью*.

«Это невозможно», – сказал я сам себе. Вся моя логика, весь здравый смысл выделявали цирковые пируэты в моей голове. «Понимаете, барышня, нужно было посадить *красные* розы, а мы, дураки, посадили белые»² – вот такая фраза из «Приключений Алисы в Стране чудес» тотчас возникла в моей несчастной голове. Я, заикаясь, призвал на помощь Грэма и служанку. Они в один голос заявили, что не притрагивались к моему ножу, но с тем же единодушием определили, что лезвие испачкано засохшей кровью. Грэм хотел вызвать полицию. Служанка дрожала от страха. И тогда я при-

² Здесь и далее цитаты из «Приключений Алисы в Стране чудес» приводятся в переводе Н. Демуровой.

нял решение рассказать о ночном кровоизлиянии из носа, но умолчать о кошмаре. Это успокоило обоих.

– Ваше преподобие, вот оно и объяснение, – обрадовался Грэм. – Вы, должно быть, ненароком залили и свой ножик. Может быть, вы ночью вставали из-за боли в носу, случайно взяли в руки нож и...

Я безуспешно пытался уцепиться за это неуклюжее объяснение. Но когда я встретился с мистером Икс и все ему пересказал, тот воспринял новость с самым мрачным видом.

– Быть может, объяснение Грэма и верно, – допустил мистер Икс.

– Не может быть... с-с-сэр, – возразил я. – Если бы я действовал наяву, я... я бы помнил. Лунатизмом я не страдаю...

– Кто-нибудь еще мог оказаться в вашей комнате?

– Когда я выхожу, я запираю дверь на ключ, и по ночам тоже.

– Но у Грэма тоже есть ключ. Может быть, он лжет.

Я опешил еще больше, чем от самой ночной загадки.

– Для чего ему лгать мне в таком деле?..

– Разве нам нужна причина для вранья?

– Я бы сказал, что да.

– Тогда по какой причине вы мне лжете? – выпалил этот странный субъект.

– Я – вам?

– О втором кошмаре. Почему вы сказали, что больше ничего не было?

– Откуда вам известно?.. – Я не переставал удивляться.

– Потому что я до сих пор не увидел причины, заставившей вас проснуться с криком и разбудить других пансионеров. Вы снова видели то тело, из первого кошмара?

Я замолчал. Не знаю почему, но на память мне пришло давнее путешествие на лодке. Представления на берегу. Сестренки Лидделл. Алиса. Моя сказка.

Резкий поворот, который придал нашему разговору мистер Икс, застал меня врасплох. Это была медленная пытка. Когда я отвел ладони от своего лица, я осознал, что плачу.

– Хорошо, – признал я. – Вы выиграли. Правда в том, что увиденное мною было... столь ужасно и *неприлично*, что я не решился вам рассказать... В обоих кошмарах... я отчетливо видел, что тело, которое окружали странные создания, *было телом девочки*. Во второй раз они делали ей больно. Очень больно.

– Кто именно? Заячья голова, кроличья голова, кошачья голова?

– Да, все они.

– Включая и того, что в цилиндре?

– Да.

– А что делала девочка?

– Она кричала. Ей больше ничего не оставалось. Она была... привязана... и раздета. И кричала. Боже мой!

Я тихо и удрученно плакал. Потом до меня донесся вопрос мистера Икс:

– Ваше преподобие, вам знакома эта девочка?

– Нет. Я даже не уверен, что разглядел ее лицо...

Молчание длилось долго. А затем мистер Икс, как будто удовлетворившись моими ответами, сменил тему:

– В третьем сне есть один любопытный *мотив*. Я говорю не об испачканном кровью ноже; оставим пока что в стороне этот сам по себе чрезвычайный факт... Я имею в виду, что существо в цилиндре *как будто увидело вас* в первый раз и вам *угрожало*. Словно бы... Словно бы оно почувствовало, что вы пересказали первые сны мне...

– И что вы обо всем этом думаете?

Я почти слышал шелест мыслей в этой яйцеобразной голове.

– Ваш случай весьма странен. Разумеется, полиции здесь делать нечего. Полиция не занимается угрозами и пытками девочек, имеющими место только во сне. К счастью для вас, я не полицейский. Я сумасшедший. И больше доверяю сновидениям, чем реальности.

– Сны – это только сны, мистер Икс, – сказал я.

– Это производная от трети нашей жизни, – возразил он.

– Я хочу сказать, это только фантазии...

– И мне это говорит писатель? – Странный субъект улыбнулся. – Ваше преподобие, ваши фантазии подарили счастье тысячам детей. То, что существует только внутри нас, важнее того, что существует снаружи. Я уверен: недалек тот день, когда сновидения займут подобающее им место: их будут

изучать и описывать как незнакомую Атлантиду... Я тщательно обдумываю ваш случай. А сейчас, с вашего разрешения, я буду играть Паганини.

– Что?

Но он не ответил. Поднял руки и начал размахивать ими в воздухе.

При виде этого представления в голову мне пришла странная мысль: мой мир постепенно превращается в мою собственную книгу.

На следующий день, когда Грэм вел меня в гостиную, мне по дороге встретилось кресло мистера Икс, которое толкал Билли. А мистер Икс не был одет в халат и домашние туфли – на нем был серый костюм, тирольская шляпа, а в руке он держал трость с набалдашником из слоновой кости.

– Добрый день. Вы уезжаете? – удивился я.

Мистер Икс узнал мой голос и улыбнулся:

– Ах, ваше преподобие, добрый день. Да, уезжаю. Теперь меня влечет морской воздух. Я проведу лето в Портсмуте. Я попросил, чтобы меня перевезли в пансион у моря. Там я намерен отдохнуть.

– Портсмут? – Я задумался. Что у меня связано с этим местом? – Вы едете в Портсмут из-за... Из-за того, о чем я думаю?

– У безумия свои причины, здравомыслию их не понять. И лучше ему даже не разнюхивать, – ответил мистер Икс.

– Вы считаете, в Портсмуте что-то случится? – не сдавался

я. – В голове звучала фраза из второго сна: «Этим летом в Портсмуте мистер Игрек совершит важное дело...»

На этом месте Билли со всей деликатностью вклинился в наш разговор:

– Мистер Икс, поезд, как правило, не дожидается опоздавших пассажиров.

Маленький человек рассмеялся:

– Билли – потрясающий собеседник: он всегда говорит то, что ты знаешь и без него, поэтому его реплики не вызывают зависти. Преподобный Доджсон, рекомендую вам выписаться из «Пикока» и вернуться к себе в Крайст-Чёрч... Если вам снова приснятся кошмары, непременно напишите мне. Обещаю, вы получите мой ответ, и если у вас достанет терпения его прочитать, это, возможно, пойдет на пользу нам обоим.

И он исчез.

9

Кэрролл завершил свой рассказ. Наступила тишина. Вместо голоса в моей голове теперь слышалось негромкое гудение. Такой шум (простите за это сравнение) я, бывает, слышу по весне, когда от простуды закладывает нос. Как же я понимала тех девочек в лодке, зачарованных его сказкой! Но как только рассказ закончился, Кэрролл перестал быть Кэрроллом.

И снова превратился в пастора и отставного преподавате-

ля. Он сидел в той же позе, положив руки на колени, и не смотрел в мою сторону. Быть может, он и сейчас видел, как мистер Икс удаляется по коридору в поисках реального ответа на его сон.

– Мисс Мак-Кари, каково ваше мнение? – спросил голос из кресла.

– Не знаю, что и сказать... Сэр Оуэн Корридж, психиатр из Эшертон, с которым я работала, изучал сновидения... Я тоже порой видела очень странные сны... Но самое поразительное в том, что вы, мистер Икс, из-за этих снов попросили о переезде в Портсмут. И потом эти сны сбывались... Но почему вы с самого начала решили, что так все и будет?

– Не с самого начала, мисс Мак-Кари. Сновидения были причудливые и зловещие, но его преподобие – писатель: замок в его голове заколдован более, чем замки простых смертных. Я не придавал бы его снам особого значения, если бы не Знак... Но давайте оставим эту тему. Ведь этот *третий* сон... Здесь я видел только две возможности: либо это был еще один сон, и тогда нож испачкался в крови по какой-то, возможно, случайной причине, либо это был не еще один сон, а нечто иное... Скажем так, *пророчество*. Так или иначе, этот третий сон коренным образом отличается от предыдущих: он *сбылся*. Окровавленный нож, простыни, ночная рубашка... И тогда я подумал: возможно, истинно и предсказание о предстоящих событиях в Портсмуте? Я решил перебраться в этот милый город и подождать. Остальное вам уже

известно.

«Он чего-то дожидается» – именно так три месяца назад и говорила миссис Мюррей.

С этой точки зрения все выглядело логично. Странная логика, соглашусь с вами. Таинственная. Логика безумца. Но, в конце концов, все-таки логика.

Служанка вернулась с нарезанной ветчиной, белым хлебом и щедрыми порциями мясного пудинга, приготовленного миссис Гиллесли, и с новым чайником чая. В течение всех этих пертурбаций Кэрролл молчал, устремив взгляд в никуда. Я наклонилась и подлила чаю в его чашку, а потом и в чашку моего пациента. С едой покончили быстро, в молчании, но прозвучавшие потом слова стоили этой краткой паузы:

– Ну а теперь, ваше преподобие, вы собрались с силами? Не будете ли вы столь любезны, чтобы пересказать свой новый кошмар, о котором неизвестно даже мне?

Наш гость, сидевший склонив голову, поднял на нас свои зимние глаза – как будто мертвецы поднимались из могил.

– Он был определенно самый страшный из всех, – тихо сказал Кэрролл.

– Тем лучше, – с энтузиазмом отозвался мой пациент. – Ужас оставляет самые очевидные следы.

– Начну с того, что я поступил так, как посоветовал мне мистер Икс. Я выписался из «Пикока» вскоре после его отъезда в Портсмут и вернулся в мои апартаменты в Крайст-

Чёрч. Лето выдалось скучное, если не считать писем мистера Икс, пунктуально снабжавших меня информацией о деле, которое пресса окрестила «Убийца Нищих». Мистер Икс считал, что это дело связано с первыми двумя снами, и так оно и оказалось... непостижимым образом! Будь я человеком с менее свободным рассудком, я бы сошел с ума... Но, как я и сказал, я верю в загадочные явления, пророческие сны приходили ко мне и раньше, посему я успокоился на том, что это еще одна из загадок нашего мозга.

А потом, после того, как мистера Икс попытались убить, он написал мне из портсмутской больницы. Он писал, что если поедет в Оксфорд, как планировал ранее, то подвергнет нас обоим большому риску, и для меня будет гораздо безопаснее самому приехать в Портсмут. Я согласился, потому что со мной как раз ничего необычного не происходило: обыденные текущие дела, переписка, грипп у одного из слуг, настойчивые просьбы совета Крайст-Чёрч, предлагавшего мне стать куратором зала ветеранов. Бюрократия и рутина. Я подумал, что жизнь на побережье пойдет мне на пользу, и пообещал вам, что приеду. Мы условились о дате, а еще мистер Икс посоветовал выбрать фразы для пароля, потому что Десять, по его словам, мастерски умеют подменять людей.

В воскресенье я лег рано, мной овладела усталость от всех дел, навалившихся на меня перед отъездом. Мне даже показалось, что у меня вслед за слугой начинается грипп. И тогда я открыл глаза.

Я был в своей спальне, сидел на постели, за окном еще не рассвело. Передо мной, в сумрачном углу, находилось нечто вроде... силуэта. Фигура приблизилась. Я увидел огромную шляпу... Как и в предыдущих кошмарах, я не мог пошевелиться, не мог даже крикнуть... Фигура подплывала ко мне – бестелесная, черная, переменчивая, точно грозовое облако.

– Ваше преподобие, – заговорило существо. – Мы знаем, что вы собрались в Портсмут, и будем ждать вас там... но я предупреждал – в следующий раз, когда вы меня увидите, будет смерть... Смерть произойдет в экипаже, который повезет вас со станции... Не тревожьтесь, это будет не слишком неприятно. Пока что нет. – Последнюю фразу существо произнесло с особенным выражением, я определенно расслышал угрозу. И потом я услышал: – Тик-так, тик-так. Ах, боже мой, боже мой! Я опаздываю...

Я проснулся еще затемно, я был один. Мистер Икс просил меня рассказывать о каждом моем кошмарном сне, но с этим я решил подождать. До нашей встречи оставалось лишь несколько дней. Я даже успокаивал себя мыслью, что, против всех ожиданий, это может быть просто сон, следствие моего беспокойства перед поездкой и рассказов мистера Икс о событиях в Портсмуте... Я ведь не видел никаких кошмаров с самого «Пикока»! Как бы то ни было, сегодня я вспоминал этот сон в течение всей поездки (что вполне естественно), и когда я приехал на вокзал в Портсмуте, когда нанял извозчика, чтобы ехать сюда, я продолжал волноваться и ждать,

что вот-вот что-то произойдет... Поверьте мне, моим неврозам хватает куда менее слабых стимулов. Я оглядывался по сторонам, пока кэб медленно продвигался по улицам, запряженным людьми: очереди в театры здесь весьма длинные...

Когда мы поравнялись с театром «Лайтхаус», я заметил, что в городе снова ставят «Разбитую посуду» – провокационную пьесу, имевшую шумный успех: на афише была изображена амфора, из горлышка высовывалась голая детская ручонка. «Разбей свой сосуд!» – призывали большие буквы. Я не видел эту постановку, мне не по душе скандальности, но меня взволновала сама эта афиша с тревожной надписью, так что я не заметил, когда мой извозчик, не желая продираться сквозь публику, приобретающую билеты заранее, свернул в переулок и подстегнул лошадей. А потом я услышал ржание, а потом затряслась вся карета...

Вам доводилось испытывать двойной страх? Такое бывает при общении с детьми: они рассказывают, например, о разговоре с незнакомцем, и мы чувствуем страх ребенка, а на него накладывается гораздо больший и зловещий страх: это страх последствий, которые ребенок себе даже не представляет.

Вот как я чувствовал себя сегодня утром. Тряска кареты внушила мне страх за мое физическое благополучие, но само сознание, что это происходит со мной, внушило мне другой, более темный страх сродни той сумрачной тени, пророчившей мне беду... Боже мой, мистер Икс, это было неопишуе-

мо... Карета остановилась, я услышал, как извозчик спускается с козел. Я услышал его слова: «Ах ты ж господи». Я тоже вышел. Под правым передним колесом что-то застряло. Маленькая пасть была открыта, конечности распластались в луже крови. Я вспомнил предсказание человека в цилиндре и задрожал от ужаса...

Потому что этот зверек, разрезанный надвое, был кролик.

10

От этого описания я сделалась блее бумаги; мне казалось, я понимаю, что имеет в виду Кэрролл. Я несколько раз перечитывала эту сцену в его книге.

– Белый Кролик смотрит на часы и говорит, что опаздывает, – вспомнила я.

Кэрролл кивнул медленно, но отчетливо, как будто его голова вот-вот отделится от тела, отрубленная ужасной Червонной Королевой.

Комната наполнялась темнотой, а мой разум – загадками.

Не знаю, сколько времени прошло с того момента, когда Кэрролл начал говорить. В комнате моего пациента не было часов, ему досаждал любой повторяющийся звук.

– Как выглядел извозчик? – вот о чем спросил мой пациент.

– Шапка, длинная борода... больше ничего не помню. К чему это вам?

– Последний кошмар – прямая угроза от Безумного Шляпника...

– Умоляю, не называйте его так, – заволновался Кэрролл. – Это не мой персонаж. Этого не может быть. Этого *не должно быть*. К тому же, как я уже говорил, я не могу ничего сочинять с тех пор, как начались эти кошмары...

– Ваше преподобие, в первый раз вы сами отметили это сходство, – напомнил мистер Икс.

– Все потому, что там были и другие персонажи – кролик, кот, заяц... Но мой Безумный Шляпник не имеет ничего общего с этим... с этим ужасным созданием.

И тут я догадалась:

– Секундочку. Этот таинственный «Союз Десяти»... У нас есть доказательства, что они способны управлять рассудком через театр. А что, если они проделали то же самое и с его преподобием?

– Очень даже возможно, – подтвердил мистер Икс. – Но для чего, мисс Мак-Кари? Чего они добиваются своим предупреждением? Они что, подстроили и «аварию» с каретой? Или же нам придется допустить существование пророческих сновидений?

– За те месяцы, что я работаю вашей медсестрой, я уже много чего допустила. К тому же прошу прощения, ваше преподобие, но мне показалось, вы сами говорили, что вам снились пророческие сны...

– Это правда. Их я тоже пересказал мистеру Икс. Не знаю

почему, но некоторые из моих снов сбывались... Почти всегда это были кошмары. Однажды, когда я был ребенком, в Чeshire мне приснилось, что мы умрем в бедности... Когда на следующий день я рассказал своей матери, что хочу зарабатывать деньги для семьи, матушка была ошарашена. Оказывается, родители давно уже испытывали материальные трудности, но не хотели мне говорить. А уже будучи студентом Крайст-Чёрч, я увидел во сне, как странная девушка по имени Хелен собственными руками убивает моего соседа по комнате... Спустя несколько недель мой товарищ покончил с собой, бросившись в Айзис³: прошел слух, что его отец, представитель аристократического семейства, узнал, что мой товарищ встречается с женщиной сомнительной репутации из района Уайтчепел⁴, и запретил сыну эту связь. Называлось также и имя девушки, в которую мой несчастный товарищ был влюблен, но предпочитал не упоминать: ее звали Хелен.

– Боже мой, – воскликнула я. – Быть может, это и есть объяснение: его преподобию снится такое, что потом сбывается, а вы, мистер Икс, вольны это допускать или не допускать.

Мой пациент с удовольствием обернулся в мою сторону:

– Ах, мисс Мак-Кари, не стоит перевирать мои слова: ну

³ Так принято называть участок Темзы, протекающий через Оксфорд.

⁴ Сам этот лондонский район тоже имеет сомнительную репутацию: именно здесь происходили убийства, приписываемые Джеку-потрошителю.

конечно, я это допускаю. Пророческие сны существуют, привидения существуют, театры, способные управлять рассудком, существуют и, если вам угодно, существуют и жители на других планетах. Однако все это чересчур просто... А меня занимают сложные вещи.

– Не уверен, что теперь я вас понимаю, – высказался Кэрролл. Я тоже была сбита с толку.

– Судите сами: тот факт, что покойник возвращается в виде духа, представляется мне возможным, если учесть, что никому не известно, что это вообще такое – смерть и что происходит после нее. То же можно сказать и о сновидениях, и о человеческом рассудке, и о небесных телах, так что – почему бы и не существовать призракам, вещим снам и инопланетным жителям? Те события, которые обывателям кажутся странными, являются скорее вульгарными. Странным и чудесным является как раз то, что люди считают обыденностью: смерть, сны, небеса... Но превыше всего... человеческий разум. Вот что поистине сложно и потрясающе! А поэтому давайте договоримся, что вещие сны существуют, но объяснения будем искать с помощью логики иного рода...

– Мистер Икс, логика бывает только одного рода, – заметил уязвленный математик.

– Простите, ваше преподобие, но реальность наделена многими видами логики, как люди – богами... – И он хлопнул руками по своему креслу. – Право, жаль, что доктор Дойл сейчас не с нами!.. – Эта фраза могла бы попасть в при-

ключения его героя... Я уже рассказал его преподобию о его коллеге-писателе и враче, – пояснил мистер Икс специально для меня, – и ему не терпится познакомиться с Дойлом.

– Это верно, – согласился Кэрролл. – И все же не следует сравнивать логику с религией.

– Ну конечно же нет. Именно это я и утверждаю: логика – это не религия, а *одна из* религий. А для решения вашей проблемы требуется помощь нескольких различных религий. Однако довольно уже бичевать ваш разум, сейчас он не заговорит даже под пыткой. Лучше предоставьте ему отдых до завтра. Час уже поздний. Давайте ложиться. Вскоре нам нанесет визит религия науки. Быть может, она разрешит нашу головоломку.

– О чем это вы? – спросила я.

– Тайна зародилась в голове его преподобия, и, возможно, там же находится и разгадка...

Кэрролл кивал мне со своего места.

– Я рассказал о моем случае сэру Оуэну Корриджу. Сэр Оуэн – психиатр, который уже много лет следит за моими частыми неврозами. Я сделал это по совету мистера Икс.

– Насколько я понимаю, доктор Корридж – специалист по вскрытию сейфов человеческого рассудка и пролитою света на их содержимое, – изрек мистер Икс. – Я дал свой совет две недели назад, и сэр Оуэн с легкостью согласился приехать и помочь.

– Сэр Оуэн... здесь? – Я снова изумилась.

– Мистер Икс упомянул, что вы работали под его руководством в сгоревшей клинике Эшертон, – сказал Кэрролл.

Корридж... Мы не виделись целых десять лет. Он, безусловно, один из лучших психиатров в Англии. Его называют «королем ментального театра». Я начинала понимать, отчего Понсонби выглядит таким довольным, отчего он без колебаний сложил весь пансион – начиная с мистера Арбунто – к ногам моего пациента: Понсонби обожествлял Корриджа и его клинический театр. Но это значит...

Я вспомнила о походе Понсонби в подвал и о грузчиках на кухне.

– Вы устроите в Кларендоне ментальный театр?

Медицинский эксперимент над Кэрроллом, несомненно, имел смысл, хотя я всегда считала эти опыты делом крайне неприятным.

– Отчаянная ситуация требует отчаянных мер, мисс Мак-Кари, – отозвался мистер Икс.

Кэрролл не выглядел радостным, но когда он заговорил, сразу сделался похож на математика, вещающего с кафедры:

– Я, разумеется, согласился. Поймите, мисс Мак-Кари, что бы ни означали мои кошмары, у них имеется общий знаменатель: все они вертятся вокруг персонажей моей книги, хотя те и сильно искажены... А посему... я решился: пусть сделают все возможное, чтобы помочь мне разобраться: почему эта книга беспокоит меня настолько, что даже снится по ночам... – Кэрролл замер в нерешительности, прямой

и чопорный, – так ведет себя джентльмен, попав в *пикантную* ситуацию. – И все-таки, мистер Икс, мои опасения по-прежнему остаются со мной. Говорят, что самое невинное из ментальных представлений более *непристойно*, чем эта пьеса-провокация, «Разбитая посуда»!

– Ну что ж, – после недолгой паузы произнес мой пациент в кресле. – Зато оно бесплатное.

ПОРТСМУТ ДЖОРНАЛ

ТЕАТРАЛЬНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

Разбитая посуда

Провокация П. Масгрейва, в двух актах.

Театр «Лайтхаус», Виктори-роуд

Большие и малые кувшины, на вид глиняные. Молоток. Вот и все, что зритель обнаружит на сцене этой потрясающей провокации.

Поначалу требуется еще и помощь человека театра, поскольку никто из публики не осмеливается действовать так сразу. На сцену выходит рабочий сцены и берет молоток. Однако расположение и наполнение сосудов меняется от спектакля к спектаклю, так что даже рабочий не знает, что находится в кувшине, который он собирается разбить. Из осколков — посуда на самом деле сделана из папье-маше, без острых краев, из соображений безопасности — может появиться что угодно: предмет, животное, актриса... Никаких костюмов: только кувшины, вещи и тела. Никакой музыки: только треск. И почти никаких слов: только фраза, которую выкрикивает каждая из актрис, когда ее убежище разрушено: «Еще один разбитый кувшин!» И публика ей вторит: «Еще один разбитый кувшин!»

Рабочие приносят новые кувшины. Сцена заполняется невероятными объектами: куклами, живыми собаками и кошками... даже птица отправляется в полет, а какая-то девушка позмеиному струится среди черепков. И это ужасное действие призывает почтенного зрителя попробовать собственные силы... На подмости поднимаются даже дамы, они тяжело дышат, их влечет молоток... Что скрывает ваш кувшин, достойнейший зритель? Предмет или существо? Отважитесь ли вы проверить его содержимое, принимая на себя риск его повредить? Порой нам кажется, что мы совершили нечто ужасное – пишуший эти строки, например, выпустил на свободу окровавленный манекен, – но это лишь иллюзия... А иногда малая величина сосуда не предупреждает нас о трепетном содержимом, и вот девочка совсем юных лет еще ниже склоняет свою бритую головку, пряча ее между коленями, и кричит: «Еще один разбитый кувшин!», а освободивший ее джентльмен не верит произошедшему, все еще вздымая руку с молотком...

Дж. Катберт

В кроличьей норе (I)

Фундаментом для дома ужасов служит спокойствие.

Джером К. Эдвардс. «Энциклопедия драматического театра» (1865)

Летний вечер красив. Река течет размеренно, и лодка скользит неторопливо. Тени прибрежных кустов чертят на воде знаки причудливой каллиграфии.

Сестренки Лидделл сидят на самом носу; он взглянул на часы (тик-так) и снова взялся за весла. Волны по воде.

И больше никого нет. Все вокруг такое спокойное, умиротворяющее.

Тик-так.

Кое-что ему непонятно: где же другие? Почему он один в этой лодке с тремя дочками декана?

Пелена из теней и света на зеленоватой воде. Девочки отвечают на его взгляд улыбками. Розовые банты на их платьях и шляпках развеваются на ветру.

Он понимает, что видит сон, потому что это плавание на лодке происходило совсем не так. Вообще-то, теперь он видит только Алису. Никого больше нет – ни в лодке, ни на берегу. Возможно, и во всем мире тоже. Насколько ему известно, Алиса Лидделл сейчас не маленькая девочка: ей больше двадцати лет, и она замужем.

Все это давно прошло, сцена, которую он сейчас проживает, – всего лишь сладкий обман.

Но как же приятно любоваться ею в этот вечер цвета сени!

Алиса прерывает его размышления:

– Ваше преподобие, полезли в кроличью нору?

– Полезли, – отвечает он не раздумывая. А затем начинает сомневаться: – Но там темно... Ты не боишься?

– Я не боюсь. А вы?

– Ну конечно же нет.

Он сам знает, что лжёт. Потому что на самом деле кроличья нора внушает ему ужас.

Но ответ уже дан, пути назад нет, думает он. Он уже согласился.

ТИК-ТАК. ТИК-ТАК.

Что это за звук? Так тикают часы на комод в спальне, понимает он.

ТИК-ТАК.

Ах, боже мой, боже мой! Я опаздываю.

Он вспоминает, что по прибытии в Кларендон попросил директора выделить ему часы. Ему нужно иметь рядом с собой часы, а еще тетради и книги. Жизнь его упорядочена.

Он гребет, не отводя взгляда от девочки. Улыбка Алисы не знает усталости, как будто ее нарисовали на лице. И в самом деле, стоит приглядеться внимательнее, и вся она кажется ему преувеличением. Складки на лице такие чет-

кие, что это должно быть болезненно для девочки. И даже мучительно. Он смотрит на неподвижную улыбку. И, кажется, различает между губ маленькие зубки.

Внезапно он сознает, что они заблудились, что повсюду туман.

И понимает, что они погружаются.

В кроличью нору.

ТИК-ТАК.

Туман густеет настолько, что не видно даже лица Алисы. Ему различимы только жемчужины неподвижной улыбки, ряды заостренных по краям косточек.

– Ваше преподобие, – говорит она из этой улыбки.

Но голос изменился: он звучит низко, как у взрослого человека.

– Кто вы? – Он отложил весла.

И он уже знает ответ.

– Ваше преподобие, мы в кроличьей норе. КЛАРЕН-ДОН-ХАУС и есть КРОЛИЧЬЯ НОРА. Из нее никому НЕ ВЫБРАТЬСЯ...

Улыбка видоизменяется: она чернеет и наплывает на губы... Теперь это искривленный край черного цилиндра. Туман рассеивается, остается одна темнота. Чистый безупречный сумрак. И силуэт человека в цилиндре.

Гигантский, заполняющий собой все пространство.

– Я РАССКАЖУ вам, что будет дальше, – говорит Шляпник. – Это будет забавно, потому что вы сами знаете

*все, как будто вы это написали... Но на сей раз вы не будете
АВТОРОМ... Автором с этого момента буду Я...*

ТИК-ТАК. ТИК-ТАК.

Психиатры

1

Когда Кэрролл удалился в свою комнату, а я уложила моего пациента и поднялась к себе в спальню, я снова открыла книгу про Алису.

Я читала, но совершенно не могла сосредоточиться, поминутно возвращаясь к волнующей новости: сюда приедет мой бывший начальник, врач из Эшертон! Как будто жизнь моя имеет определенное направление, как будто подо мной проходит глубинное течение, и оно влечет меня к месту слияния всего.

Сэр Оуэн. Мне никогда не нравилось с ним работать. Это был человек холодный и высокомерный, он обращался с пациентами как с объектами для исследования. Но, безусловно, он обладал мудростью, так что если кто-нибудь и способен расчленить таинственные путаные сны Кэрролла, так это он.

Сама я, конечно же, не могла. И сомневалась, что даже мистеру Икс удастся определить происхождение этих кошмаров. Вещие они или нет – но что еще они означают?

Я попробовала читать книгу Кэрролла глазами человека, которому известны его сны.

Но яснее дело не стало.

Эта проклятая сказка оставалась для меня такой же непроницаемой, как и в первый раз и во все другие разы, когда я ее открывала.

Да, там была девочка, и Кролик, и даже Шляпник с совершенно необязательным уточнением «безумный» – гораздо логичнее было бы отметить, если бы хоть кто-то в этой истории пребывал в «здравомыслии», – но, как и говорил нам Кэрролл, все это были безобидные существа. Немного беспокоила Червонная Королева с ее манией отрубать головы, да и Чеширский Кот (возможно, символизирующий автора, который родом из Чешира) выглядел загадочно, когда, исчезая, оставлял после себя свою улыбку.

Но это были всего лишь детские сказки с замечательными иллюстрациями.

Главная героиня там девочка, и она страдала, но, упаси господи, не голая и привязанная, как в этом жестоком кошмаре Кэрролла, да никто ее по-настоящему и не мучил.

«Приключения Алисы в Стране чудес» – знаменитая книга. Я слышала, что в каждом колледже Оксфордского университета создано братство в честь определенного персонажа – Белого Кролика, Синей Гусеницы... Братства устраивают свои тематические представления, некоторые из них – для взрослых. И все-таки кто такой на самом деле Кэрролл? Откуда у этого человека, Доджсона, священника и математика, изъясняющегося столь ясно и логично, способность по-

рождать двойника – рассказчика и балагура?

И ментальный театр представляется мне адекватным методом.

Я уже заявляла, что этот эксперимент мне не по нраву, однако в случае Кэрролла я считала его оправданным.

Ментальные театры могут производить странное впечатление, но они принимаются научным сообществом. Для ментального театра нужны актеры, декорации и даже текст, написанный квалифицированным психологом, так называемым ментальным драматургом; текст составляют на основе клинического собеседования с пациентом. Корридж привлекал к работе лучших драматургов Англии, и я не сомневалась, что он придет в сопровождении кого-нибудь из светил, возможно с Питером Харвиллом, за работой которого я наблюдала в Эшертоне. Затем набирались актеры и выстраивались декорации – как в обычном театре, вот только пациента еще и подвергали гипнозу.

Но если цель театра – развлечение, то ментальный театр ставит диагноз и исцеляет.

И опыты приносили результат. Я почти никогда не оставалась посмотреть, но в ту ночь я вспоминала спектакль, который видела сама. Пациентом был вдовец средних лет, дважды пытавшийся лишиться себя жизни (во второй раз он получил страшные ожоги) из-за смерти младшей дочери при пожаре, виновником которого он несправедливо почитал себя. Корридж и Харвилл соорудили декорации, обозначавшие

горящий дом, и поручили роль дочери одиннадцатилетней актрисе. Девочка играла с надувным мячом красного цвета, потом целовала отца, прощалась с ним, полностью обнажалась и укладывалась в маленький гроб посреди сцены, а пациента просила спеть ей колыбельную. Я до сих пор вижу этого мужчину под гипнозом, вижу, как он, шатаясь, подходит к гробику, нежно его оглаживает, встает на колени и начинает петь.

Мне никогда не забыть ни этого надтреснутого голоса, ни мелодии этого тихого «баю-бай». Я поняла, что отец наконец прощается со своей дочкой. Навсегда.

Спи спокойно, с ангелами спи. День счастливый будет впереди...

Ему стало лучше.

Он принял свою невосполнимую утрату. Он научился ценить других своих детей – тех, что оставались с ним.

Да, медицина может быть неприятной – ампутации, которые так нравятся доктору Поттеру, голая девочка в гробу, – и все-таки она делает наше страдание более переносимым.

Несмотря ни на что и даже при всей эффективности метода, мне не нравится, когда людей без одежды выставляют напоказ (если только не на сцене), а особенно это касается маленьких девочек, какой бы действенной ни была эта терапия. Я помогаю, если таков мой долг, как помогала бы при

хирургических операциях, но я не из тех, кто смешивает зрелище с такой серьезной и уважаемой профессией, как моя.

Моряк, которого я когда-то любила, Роберт Милгрю, любил повторять: «Дурой родилась, так дурой и помрешь».

Он уже умер. Я так и живу дурой.

Размышляя о подобных вещах, я, видимо, заснула, потому что проснулась от удара по моему достоправному носу. Я вздрогнула, увидев перед собой шляпу-цилиндр.

Шляпник и его нож для бумаг!

Но это была всего-навсего книга, «Приключения Алисы в Стране чудес», которую я уронила из рук себе на лицо, когда засыпала. Книга была распахнута на рисунке со Шляпником.

2

– Добрый и, кажется, тревожный день, мисс Мак-Кари, – приветствовал меня из постели мой пациент на следующее утро, когда я принесла умывальные принадлежности. – С радостью замечаю, что, хотя сон пришел к вам и не сразу, в конце концов вам удалось отдохнуть и вы чувствуете себя хорошо.

– Вы все правильно угадали. Объяснение простое, сложное или за пределами человеческого понимания? – поинтересовалась я, раздевая моего пациента.

– Из разряда простейших: вы расстегиваете пуговицы на моей рубашке слегка неловко, что в вашем случае всегда ука-

зывает на нетерпение или недостаток сна, но первую возможность я отверг, ибо ваш голос, когда вы поздоровались от двери, был весел, как у щегла, а это свидетельствует, что, каким бы кратким ни был ваш сон, у вас все-таки получилось отдохнуть. И вот еще: тучи, закрывавшие ваш горизонт, понемногу рассеиваются...

– Позвольте и мне кое-что угадать о вас, – вмешалась я, снимая с моего пациента ночную рубашку. – Вы всю ночь проспали как бревно.

Раздался тихий самодовольный смех.

– Дорогая мисс Мак-Кари, вы когда-нибудь пробовали складывать птичек из бумаги? Меня обучил этому искусству смотритель из пансиона в Сассексе. Это простейшее дело, если ты знаешь точную последовательность, но если ее не знать, сложить птичку весьма затруднительно. А вам ничего не известно про углы, складки и технику создания моих маленьких птичек, так что даже не пытайтесь мне подражать. На самом деле я провел ужасную ночь, размышляя о невероятной загадке его преподобия, к которой теперь добавился сбывшийся кошмар с кроликом. Кстати говоря, не сочтите за труд, перестаньте наконец горевать, разглядывая мой шрам, и сходите, пожалуйста, проверить, как чувствует себя наш гость. Это человек устоявшихся привычек, так что, если он до сих пор не проснулся и не занят утренним туалетом, мы сможем заключить, что ночь его прошла даже хуже, чем моя.

Эти слова действительно заставили меня оторвать взгляд

от шрама.

– Вы хотите сказать... ему приснился новый кошмар?

– Весьма вероятно. Я даже слышал, как ночью он стонал и всхлипывал.

Страшно было подумать, что такие сны приходят к Кэрроллу в «нашем Кларендоне». Но я удержалась от порыва немедленно броситься в комнату Кэрролла.

– Первым делом – первое дело, как говорил мой отец. – И я приступила к мытью.

– Я уверен, что ваш отец говорил и куда более интересные вещи, не используйте его как предлог, – проворчал мистер Икс: его задело, что я не бросилась за брошенной им костью немедленно. – Признайте, вам трудно меня покинуть, когда я раздет.

Я с удовольствием провела мыльной губкой по его губам – это был гораздо более весомый аргумент, чтобы заставить моего пациента умолкнуть. Одев мистера Икс, я пересадила его в кресло. Грузчики на первом этаже продолжали шуметь, мистер Икс поморщился:

– Сладкая музыка Кларендона. Это то, о чем я думаю?

– Не знаю, о чем вы думаете, но это рабочие, нанятые доктором Понсонби для расчистки подвала – как мне кажется, чтобы устроить там ментальный театр.

– Прекрасно, прекрасно. Уже известно, когда прибудет сэр Оуэн?

Сьюзи, дрожа от возбуждения, поведала мне утром, что

Понсонби вскорости всех нас известит, – так я и передала моему пациенту, а тот в ответ потер маленькие ручки и еще раз попросил меня удостовериться, что Кэрролл спит. В тот день жизнь Кларендона двигалась в лихорадочном темпе. Я оставила ведро с водой возле комода, вышла, несколько раз постучалась в дверь Кэрролла и не получила ответа.

Я решила открыть дверь.

В комнате царил полумрак, шторы до сих пор не были раздвинуты. Слышалось тиканье маленьких, но пронзительных часов. На постели что-то громоздилось. Мне стало тревожно.

Я сделала несколько шагов вперед, ориентируясь по свету, который проникал через дверь, и наконец разглядела ночной колпак писателя. Кэрролл спал, положив щеку на подушку, дыхание было ровное. Даже в потемках я могла различить белые часы на комодe. Корпус часов был причудливо искривлен.

Я вернулась доложить об увиденном мистеру Икс; тот тихонько побарабанил по своему креслу.

– Я очень рад, – изрек он. – Уверен, ему приснился очередной кошмар... И почему этот человек не женился? Жизнь рядом с ним просто не может быть скучной...

Я, разумеется, никак не поддержала этот безжалостный сарказм.

– Ну пожалуйста, мисс Мак-Кари, почему бы вам его не разбудить? Было бы так чудесно разделить с ним завтрак.

Даже учитывая, что я имела дело с моим пациентом, такой безбрежный эгоизм показался мне странным.

– Если вы желаете развлечься, сэр, лучше попросите Джимми почитать вам «Джорнал».

– Я не желаю развлекаться, я желаю работать над загадкой его преподобия.

– Он спит.

– Поэтому я и прошу его разбудить. Сомневаюсь, что я стал бы просить о том же самом, если бы он сейчас выделял цирковые пируэты.

– Я не собираюсь его будить только для того, чтобы удовлетворить вашу ненасытную любовь к загадкам, мистер Икс.

– Ну а вашу, мисс Мак-Кари? Уверен, что вам сейчас хочется того же самого... Мистер Шляпник... Окровавленный нож для бумаг... Раздавленный кролик под колесом... Вы уже спрашивали себя, откуда в Портсмуте снующие по улицам кролики? А что сейчас приснилось нашему дорогому другу? Мой разум беспрестанно возвращается к этой потрясающей тайне, а вы хотите отложить продолжение, чтобы позволить нашему пастору всхрапнуть еще три-четыре лишних раза!

Надо было видеть то выражение блаженства на лице мистера Икс, с которым он произнес эти слова; мой пациент нетерпеливо ерзал на своем кресле.

– Ну разумеется, он расскажет вам все, что полагается рас-

сказать, – когда проснется, – терпеливо увещевала я.

– Дело в том, что для нас он *уже* проснулся, мисс Мак-Кари, неужели вы не понимаете? Все, что интересует нас из времени его сна, уже произошло. Если он спокойно похрапывает в своей постели, значит сочный плод его кошмаров успел покрыться кожурой рутинного отдыха. Отказываться его разбудить – это то же самое, что отказываться открывать двери театра, когда представление уже закончилось!

Верите вы или нет, но так все и было.

Для него в спящем Кэрролле имели значение исключительно его сны.

Но только не для меня. Я собрала вещи, подошла к двери и заговорила уже с порога:

– Его преподобие вчера проделал длинный и мучительный путь, а потом целый день рассказывал нам о своих страхах. По-человечески мы должны дать ему отдохнуть.

Я уже собиралась уходить, когда снова услышала печальный голосок из кресла:

– А у вас, мисс Мак-Кари, не появилось желания со мной поговорить? Признайте, вы ведь чувствуете себя лучше...

Я поняла его с полуслова. И он был прав. Одобрение моих товарок и всего персонала Кларендон-Хауса, утешение, которое принесли мне слова Дойла, его преподобия и – к чему скрывать? – в определенной степени и слова Арбунтота, – все это меня немало успокоило. Разница состояла в том, что никого из этих людей я не колола ножом, ощущая при этом

наивысшее наслаждение в моей жизни.

Моей жертвой был *он*.

Мужчина, о котором я поклялась заботиться.

От него я не ожидала – и не могла ожидать – обыкновенного утешения. Меня не спасли бы даже его прощение и понимание.

Все, что он мог мне дать, – это время.

– Я скоро вернусь, сэра, – сказала я.

3

Грядущее появление великого психиатра как будто ускорило ритм кларендонской жизни. Все мы, медсестры и служанки, сновали по лестницам и коридорам с метлами, цветочными горшками и умывальными тазиками в руках. Доносившийся снизу грохот с каждой минутой становился все яростней. Когда я выходила из комнаты моего пациента, я увидела, что дверь мистера Конрада Х., проблема которого состояла в обостренной подозрительности, открыта ровно настолько, чтобы предъявить мне полоску его лица и спросить, что случилось. Мне было жаль сэра Конрада. В тех редких случаях, когда он в сопровождении одной из нас выбирался в театр, он вмешивался в *непристойные* сцены, полагая, что актрисы их разыгрывают, дабы над ним поиздеваться.

Я попыталась успокоить мнительного пациента, объясни-

ла, что производится «перестановка», и даже убедила его закрыть дверь – а это нешуточное достижение. Я уже направлялась к лестнице, когда в противоположном конце коридора заметила еще одного пациента, выходявшего из ванной для пансионеров. Это был Арбунтот. На нем был все тот же красный халат, черные волосы блестели от влаги. Понсонби, кажется, порекомендовал его заботам Нелли Уоррингтон. Нелли поддерживала своего пациента под локоть, чтобы отвести в комнату, но Арбунтот тоже заметил меня и остановился. На память мне сразу же пришли его *неприличные* картинки, его улыбочка, но самое главное – его слова.

«У меня в голове – как будто камешек застрял в ботинке, мисс».

Я помахала рукой в знак приветствия и собралась уже спускаться, когда поняла, что Арбунтот не отвечает на мой вежливый жест. Он застыл в неподвижности. И уставился на меня.

Издали я не смогла разглядеть выражения его лица. Нелли вообще ничего не заметила – она открывала дверь.

Кажется, Арбунтот улыбался – но очень странной улыбкой. Я напрягла зрение.

Нет, это была не улыбка. Его рот искривился в гримасе. Как будто Арбунтот пытается мне что-то сказать, о чем-то предупредить.

А потом он шагнул вперед и исчез за дверью. В течение всего этого незабываемого дня выражение лица мистера Ар-

бунтота не выходило у меня из головы.

4

На очередном собрании в кабинете Понсонби недоставало только Понсонби.

От его имени говорил наш бухгалтер Филомон Уидон. Уидон объявил, что у доктора много срочных дел в городе, но он оставил подробные инструкции.

Мне стало почти жаль Понсонби. Для меня он как муравей в муравейнике, растревоженном палочкой сорванца: Понсонби нервничал из-за всякой мелочи, высоко вздымал свою героическую макушку, бесконечно множил ошибки, обо всем забывал и составлял подробные списки, сознавая всю грандиозность предстоящих событий.

– Доктор Корридж и его помощник прибывают завтра в полдень, – возвестил Уидон, обтирая платком яйцеобразную лысину. – Они воспользуются гостеприимством Кларендона. Мы оборудовали для столь просвещенной особы гостевую комнату. А я уступил свою комнату его ассистенту. И переселяюсь к Джимми Пигготу.

«Бедный Джимми, – подумала я. – И бедный мистер Уидон».

А еще – почему бы и нет? – бедный Понсонби!

Мистер Уидон силился обрести «состояние Понсонби», но у него не получалось. Он даже ни капельки не покраснел.

Румянец у Уидона я наблюдала, только когда он возвращался с подпольных представлений или с *поиска сокровища*, – мне поведали, что он занимался этим в прошлую субботу, явился в крайнем возбуждении и утверждал, что обнаружил «Женщину, написанную японцем» в одной из лачуг на севере Портсмута, но поймать так и не сумел. И все-таки он оставался тем самым Уидоном, который обменивался с нами шуточками, предлагал свою компанию для походов в такие театры, где женщинам запрещалось появляться в одиночку; тем самым Уидоном, которого мы все держали за безобидного субъекта и именно из-за этого – парадоксальным образом – оказывали ему меньше почтения, нежели доктору Понсонби. Росту он был низенького, с вогнутой посередине лысиной, через которую бороздками проходили редкие волосенки. Уидон был холост и предан своей работе, так что Кларендон превратился для него в домашний очаг: Уидон располагал даже собственной комнатой на первом этаже. Он считался правой рукой Понсонби, и не только в том, что касалось бухгалтерии. Это был заурядный человек, одинокий и услужливый, конторщик до мозга костей. Немного робкий, немного скрытный. Уважающий сложившуюся иерархию; никто никогда не видел, как Уидон кричит или приходит в ярость.

Полагаю, что после такого описания излишне уточнять, насколько ему были любезны грязные постановки; по моим подсчетам, Уидону не хватало каких-то пяти-шести лет, что-

бы официально получить статус «развратного старикашки».

Объявление о визите сэра Оуэна Корриджа мало кого застало врасплох: Понсонби уже поделился новостью с Брэдок, а это был vox populi⁵.

– Разумеется, трудно переоценить ключевую важность появления здесь сэра Оуэна. Я надеюсь, что все вы с должным усердием...

Уидон так и не завершил свою речь, а мы уже закидывали его вопросами.

– А газетчики приедут? – не выдержала Джейн Уимпол, и я заметила, как Сьюзи подалась вперед в ожидании ответа. Хорошо зная обеих, я была уверена, что они заключили пари.

– Газетчики? – Уидон растерялся.

– Сэр Оуэн Корридж здесь... Уй... Мистер Уидон, это ведь такая новость...

– Мисс Уимпол, он приезжает инкогнито.

От этого «инкогнито» повеяло тайной.

– Можно узнать... для... как? – полушепотом выдохнула Сьюзи.

Все мы, включая и Уидона, имели немалый опыт в расшифровке языка Сьюзен Тренч.

– Доктор Корридж – личный друг преподобного Доджсона, а цель его визита – медицинская, это связано с... определенной проблемой, возникшей у его преподобия...

⁵ Глас народа (лат.).

Раздалось насмешливое бульканье. Наши чепцы развернулись к дальней стене кабинета, где миссис Мюррей трудилась над своим вековечным клубком. Она была как будто полностью поглощена рукодельем и не поднимала головы, несмотря на эффект, произведенный ее зловещим смехом.

– Вы что-то хотели сказать, миссис Мюррей? – смущенно спросил Уидон.

– Пророчества не повторяются, Филомон. Они исполняются.

– Очень хорошо, спасибо, миссис Мюррей. Еще будут вопросы?

– Подвал освобождают ради этой... «медицинской цели»? – спросила Нелли, серьезная, как и всегда. – Если дело в этом, нам, медицинским сестрам, тоже следует быть в курсе.

– Леди, мне известно столько же, сколько и вам. Я уже объяснил: сэр Оуэн Корридж приедет, чтобы осмотреть преподобного Доджсона. Вот и все.

– Осмотреть! – прокаркала вы и сами догадались кто. – Какая честь!

После слов миссис Мюррей мы, как правило, замолкали, однако в отсутствие ее покровителя, доктора Понсонби, власть, которой старушка себя наделяла, потеряла в весе.

Нелли Уоррингтон даже отважилась ей перечить:

– Миссис Мюррей, вы уже неоднократно высказывали свое мнение по данному вопросу. Теперь же, если вас не затруднит, не мешайте нам работать.

И тогда водянистый взгляд рассерженной старухи остановился на моей товарке.

– Ах, Нелли, разумница Нелли... Ты тоже против меня? Да разве вы не видите, что зло проживает в последней комнате восточного крыла, на втором этаже, и у него глаза двух цветов? А знаете ли вы, что там будут делать, в этом подвале? А доводилось ли вам слышать о представлениях, в которых мужчины *тоже раздеваются*? – Было понятно, что всем нам доводилось, однако ни одна из нас не отважится это признать. – Да нам остались считанные часы!

Идея о мужском представлении в Кларендоне ощутимо смутила Нелли, но в целом нам было все равно. Мы были слишком взбудоражены предстоящими событиями, чтобы обращать внимание на безумные пророчества миссис Мюррей.

Ну что сказать, скоро мы о них вспомним.

5

Работы у меня стало вдвое больше, так что я даже не смогла выкроить время, чтобы проведать моего пациента в обед. Служанка доложила, что мистер Икс пообедал в компании Кэрролла, и хотя мне очень хотелось узнать, добавился ли новый кошмар к вороху прежних тайн, в этот день собиралось общество «Медсестры за чаем», и я не могла его пропустить. Священное заседание «Медсестер за чаем»!

Я имею в виду нечто вроде раннего ужина, проходящего трижды в неделю в кладовке рядом с кухней, специально приспособленной для подобных сборищ. Мы использовали наши встречи, чтобы поделиться сплетнями, впечатлениями о спектаклях, проблемами с нашими пациентами и насладиться чудесными пирожками, которые миссис Гиллесли готовила специально для этих вечеров. В заседаниях могли принимать участие только штатные медсестры, иногда присоединялась и миссис Мюррей, но в этот раз ее не было – возможно, из-за размолвки с Нелли.

Что касается меня, я по прибытии в Кларендон была полноправным членом общества, однако мой нынешний статус личной медсестры теоретически лишал меня этой привилегии. Но девушки меня пригласили. И мне хотелось думать, что причиной этому общая симпатия.

Хотя определенно существовали и другие причины.

– Энн, что происходит?

– Кто этот священник?

– Они намерены... чем-то заниматься... в подвале? Энни?

Голос Мэри Брэдок положил конец беспорядку:

– По очереди, леди. Не докучайте Энн: она совсем недавно вернулась в Кларендон.

Но, как я уже говорила, я чувствовала себя в долгу перед ними, и мне было не жаль насытить их голодные уши несколькими крошками правды. К тому же – я не имею в виду историю, рассказанную нам Кэрроллом, ее я никому не

собиралась передавать без прямого дозволения, – слухи на самом деле распространялись быстрее, чем та информация, которой я могла с ними поделиться. Мои товарки уже догадывались обо всем, что я им открыла (о личности нашего визитера и о ментальном театре), а если бы они не узнали от меня, то нашли бы другой источник.

– Так, значит... его преподобие – это Льюис Кэрролл! – изрекла Сьюзи, привычно закатывая глаза – наверняка она и сама знала, насколько они хороши.

– Моя дочь читала «Приключения Алисы в Стране чудес» и, откровенно говоря, не нашла в этой книге ничего чудесного, – назидательно высказалась Нелли Уоррингтон. – Эта книга скорее *аморальна*.

Брэддок, которая тоже ее читала, оценила книгу как вполне *достойную*, вот только ей не понравился конец, где все приключения сводились к неприятному сну героини, уснувшей после еды. Развивая тему, Сьюзи высказалась по поводу нездорового испанского обычая – *сиес-с-сты*, который, как известно, вызывает еще и сложности с пищеварением; но нашей старшей медсестре не понравился в «Алисе» именно финальный прием, когда все объясняется через сон.

– Где это видано – придавать сну такое значение, чтобы посвящать ему целую книгу? – негодовала Брэддок.

Остальные сестры признали ее правоту, а я начала думать, что сновидения Кэрролла на самом деле и явились причиной всего, что сегодня происходит в Кларендоне.

Причиной всего, что происходит со мной в это лето.

Причиной, по которой мистер Икс оказался здесь и я с ним познакомилась.

«Фу-ты ну-ты», – сказала Джейн. «Писатель про сны», – сказала Сьюзи. «С психическими проблемами», – добавила Нелли. Мои товарки копались на ничейной земле, стараясь набить свой сундучок блестящими выводами и при этом не задеть мои чувства.

– Энн, позволь задать тебе еще один вопрос. – Высокий чепец на высокой Нелли придавал ей сходство с большой экзотической птицей. – То, что сэр Оуэн собирается проводить в подвале Кларендона... Этот «ментальный театр»... Ты ведь знаешь, что это такое?

Я поняла, что все предыдущее являлось вежливым вступлением, чтобы этот вопрос – *вопрос с большой буквы* – не выглядел как допрос. Даже на вуали Джейн как будто выросли глаза и уши.

– Да, – сказала я. И наступила тишина.

Если бы мы, сидя вокруг стола в этой темной кладовке, принялись вызывать духа и он явил бы нам свое присутствие посредством стука и летающих предметов, мои сотрапезницы были бы потрясены ничуть не больше: сейчас они украдкой обменивались взглядами, под лампой на столе закипал страх.

– Я слышала, что... там есть актрисы, которые... – начала Сьюзи.

– Ни одна из обыкновенных актрис не согласится на такую постановку, – твердо произнесла Нелли. – Там работают особые актрисы из клиники.

– Я слышала, там даже медсестры!.. – пропищала Сьюзи.

– Нет. – Я попыталась успокоить Сьюзи хотя бы в этом. – По крайней мере, на тех ментальных постановках, что я видела в Эшертоне, медсестры вели себя *пристойно*. – И уточнила в стиле Понсонби: – Возможно, чуть менее *пристойно*, но все-таки *пристойно*.

Признание в том, что я сама видела ментальные спектакли, стало той искрой, которой до сих пор не хватало, чтобы костер любопытства запылал. Нелли, Сьюзи и Джейн затрещали наперебой, так что снова потребовалось вмешательство Мэри Брэддок:

– Пожалуйста, чуть спокойнее. Я уверена, Энн расскажет нам все, что знает.

– Я ни разу не помогала ни в одном представлении, – сказала я.

Проницательная Нелли Уимпол нависла над столом:

– Почему?

– Это не было... Не было приятно. – Я старалась поумерить общее беспокойство. – Да не волнуйтесь, никто вас не заставит делать что-либо противоречащее *добропорядочности* и *приличию*. Они нанимают специальных актеров... Иногда они занимаются странными вещами, но это клинический опыт, получивший одобрение в медицине. А если по-

требуется сотрудничество медсестры... я возьму это на себя. Даю вам слово.

– Но... ты хоть что-то видела от начала до конца?

Я пересказала случай вдовца, потерявшего дочь. Мне казалось, что конкретный пример их успокоит. Однако, хотя девушки и продолжали есть во время моего рассказа, облегчения я не заметила. Хотя причины у моих товарок были разные.

– Да, но... посмотреть... ведь можно? – спросила Сьюзи, и ответом ей было всеобщее молчаливое осуждение. – Ну я-то вообще... не хочу... разумеется, только не помогать... вы же меня знаете... Но... посмотреть...

«А кому не захочется посмотреть?» – подумала я.

Но Нелли пришла в негодование:

– Тебе нравятся подпольные спектакли, мы все это знаем, Сьюзи Тренч!

– Вот это... ложь! – возмутилась Сьюзи.

– Ты ходишь в такие театры, куда не пошла бы ни одна из нас!

– Смотрите, кто заговорил! Да ты ходила... на «Разбитую посуду» вместе с Джейн!.. Ты смеялась, когда разбили кувшин... с мертвой свиньей!

– Я нервничала, мне было *неудобно*. Вот почему я смеялась. – Нелли смерила несчастную болтушку Джейн Уимпол таким взглядом, как будто пожелала, чтобы вместо свиньи на сцене среди черепков оказалась сама Джейн. – А ты, Сьюзи,

ходишь на реалистичные сессии.

Такое заявление заставило умолкнуть упомянутую Сьюзи и, должна признаться, всех остальных тоже.

И, что еще хуже, я ни на секунду не поверила, что это правда. Нелли преувеличивала – то ли по зловредности, то ли по неведению. Или, быть может, потому, что у нее, единственной из нас, были дети, а нам, женщинам, прекрасно известно, насколько это серьезное дело – быть матерью.

Реалистичные сессии – это было уровнем ниже привычного театра. Это были подпольные представления, где актерами выступали обычные люди, вынужденные исполнять *безнравственные* роли в силу шантажа или неоплаченных долгов – на такие сессии предпочитали брать разорившихся аристократов, и тогда публика получала дополнительное удовольствие от их унижения. Это было незаконно, однако полиция не вмешивалась, если только речь не шла об ODO – спектаклях *One Day Only*⁶, – когда артисты не выживают после первого представления; а еще ходили слухи, что многие виднейшие политики, церковные иерархи и судьи посещают подобные сессии (даже и ODO) под прикрытием надежных масок.

Обвинять Сьюзи Тренч в посещении ODO – это было *вопиюще*.

Единственным преимуществом вспышки Нелли было то, что все мы позабыли о ментальном театре. Как говорится, клин клином вышибают.

⁶ Только один день (англ.).

– Это... ложь!.. – защищалась Сьюзи. – Я никогда!.. Я даже не хожу на арену причала Саут-Парейд!

– Ты ходила на «Джека и волшебную фасолинку» в «Варьете», две недели назад!

Раздались облегченные смешки. Это была не реалистичная сессия, Нелли об этом прекрасно знала. На что ей и указала обвиняемая.

– Это не такое!.. Это готическое полунасилие!

– Вот именно, полунасилие, а это означает, что некоторые актрисы не желают делать *все*, что они делают... Да это и понятно – в свете того, *что* они делают. Люди театра их заставляют!

– Нет! Им платят! – выкрикнула Джейн. – Их не заставляют!

– Не желают делать... *всё*... Тоже мне новость, – трещала Сьюзи. – А есть такие, кто желает?... Нелли, ты вот... желаешь?

– Безусловно, я желаю делать все, что я делаю, если ты это имеешь в виду.

– *Всё?*

– Сюзен, речь сейчас не об этом. Я утверждаю, что ты посещаешь *аморальные* представления.

– «Джек» – это законно! – возразила Джейн.

– Джейн Уимпол, не читай нам лекции о законности.

– Леди. – Старшей медсестре Брэддок потребовалось всего одно слово, чтобы восстановить тишину. – В Кларендоне

нам не дозволяется ходить в театры, вам это известно. Сюзен Тренч попросила разрешения, чтобы сходить на «Джека», и доктор Понсонби ей разрешил. И кому что нравится, как говорил мой отец. Мне, например, при виде того, чем занимаются люди, все больше нравится кукольный театр. К тому же... – Брэддок сделала паузу. – Я не думаю... что мы оказываем Энн услугу, когда обсуждаем *развратные* спектакли.

В наступившей тишине я почувствовала, как пламя *скандала* отбрасывает на мои щеки пунцовые пятна.

– Я не хотела... – заговорила Нелли.

– И я тоже, прости, Энн, – поспешила с извинениями Сюзен. – И ты меня прости... Нелли.

– Признаю, я слишком далеко зашла, – уступила Нелли.

Брэддок снова взяла слово:

– Сейчас нам как никогда необходимо держаться вместе.

Мы – медсестры Кларендон-Хауса. А это ко многому обязывает! Здесь, в нашем собственном подвале, будет разыграно научное клиническое представление, и мы должны быть на высоте... всего, что от нас потребуется. Энн уже пообещала нам помочь. Так что нам еще требуется, чтобы заставить имя Кларендона сиять выше всего?

Этот боевой призыв вернул нас в строй. Такие уж мы, медсестры: сколько силы, сколько самообладания! Я приняла ободрение и объятья моих товарок и ответила им тем же.

По завершении банкета Брэддок задержалась в кладовке.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она с искренней заботой.

– Хорошо. Спасибо, что подумала обо мне.

– Ой, да и не я одна. Мы все за тебя тревожимся, Энн.

– Спасибо, Мэри.

Тик на веке старшей медсестры усилился, когда она перешла на официальный тон:

– Ты заходила вчера к Арбунтоту?

– Да. Он, конечно, недоволен, но это пройдет... – В эту секунду я вспомнила свою странную утреннюю встречу с мистером Арбунтотом.

– Нелли говорит, что сейчас он нервничает больше, чем когда его переселили, – задумчиво произнесла Брэдок. – Как будто... как будто он хочет что-то рассказать, но не решается...

– Сегодня утром я видела его издали; у меня сложилось такое же впечатление.

– Правда? Очень странно. Быть может, дело просто в перемене комнаты, но...

– Я поговорю с ним еще раз, – пообещала я.

– Да, пожалуйста. За ним нужно приглядывать. Энни, помогай мне с ним, когда у тебя получается. Со мной он чересчур... Чувствительный.

– Я знаю. И буду помогать.

Мы друг другу улыбнулись. На меня смотрели глаза, окруженные морщинами.

– Я дам тебе совет как подруга подруге: никогда не плачь из-за мужчины. Плакать из-за куклы и то полезнее.

Совет, бесспорно, был хорош, но я не понимала, почему Мэри дала его мне. Я выплакала свои последние слезы по Роберту Милгрю. Теперь я одна. У меня есть мистер Икс, но это то же самое, что быть одной, – если речь идет о чувствах.

Я не хочу быть к нему несправедливой. Мой пациент меня по-своему ценит, но если он с такой сверхъестественной легкостью постигает тайные мотивы людей и механизмы событий, то с чувствами, лежащими на поверхности, он часто попадает впросак. Его пониманию доступны незримые шестеренки, но для очевидных банальных эмоций он слеп. Вот я подумала о мистере Икс, и мне захотелось наконец узнать, что в эту ночь приснилось Кэрроллу.

Выходя из кухни, я увидела Сьюзи Тренч. Сьюзи улыбнулась, склонилась к моему уху и заговорила о «Джеке и волшебной фасолинке».

– Если ты соберешься, я схожу с тобой по второму разу, – пообещала она с плутоватым хихиканьем.

6

Когда мне удалось попасть в комнату моего пациента, служанки уже убрали остатки ужина. Я застала мистера Икс в конвульсиях: приступ воображаемого Паганини.

– Сейчас мне больше ничего не потребуется, мисс Мак-

Кари. – Он вспотел. – Только рассуждения.

– Его преподобию приснился очередной кошмар? – спросила я.

– Именно так. Но не тревожьтесь ни о чем. Завтра мы узнаем, куда это ведет...

Мистер Икс говорил так спокойно – ничего общего с его утренним возбуждением, – что я действительно успокоилась. По крайней мере, в тот момент.

Я решила еще раз зайти к Арбунтоту. Но в комнате у него было темно. Я увидела его спину на кровати. Арбунтот дышал тяжело. Он хрипел. В моей голове завертелась карусель фотоснимков с подпольных представлений. Так определенного рода актрисы вертятся вокруг столба на сцене.

Я легла в постель, захваченная впечатлениями прошедшего дня и готовясь к событиям дня грядущего, однако я и представить себе не могла, что мне предстоит пережить. Мне не давало покоя известие о новом кошмаре Кэрролла.

Я в который раз взяла со столика книгу про Алису, но портрет Шляпника заставил меня положить ее обратно.

«На сегодня довольно страхов», – решила я и потушила лампу.

Я ворочалась с боку на бок, изможденная, но бессонная, – то была пытка человека, которому усталость не позволяет забыться обычным печальным сном.

Я не могла погрузиться даже в мой привычный ужас. Это было почти забавно. Ни чая, ни блестящего подноса, ни но-

жа. Для меня это было худшее из зол: только бессонница может заставить человека тосковать по кошмару.

Я уже начинала засыпать, а потом я услышала. Вам никогда не приходило в голову, что страх – это нечто вроде пряности? Любое, самое заурядное явление – дверной засов, свеча, порыв ветра, – приправленное страхом, обретает более насыщенный, пронзительно-острый вкус. Я услышала этот звук за дверью и разом сыпанула на него полбанки страха. Вот так. Не скупясь.

Приправленный надлежащим образом, этот тихий шелест – шлепанье босых ног – подействовал на меня так же, как молнии, попавшие в людей, которые после этого чудом остались живы: волосы настолько вздыбились, что колпак на голове приподнялся на несколько дюймов; тело мое окоченело так, что я, кажется, внезапно похудела; дыхание оборвалось. Мозг мой пролистал книгу общепринятых объяснений и выдал возможную причину: одна из нас встала с постели, чтобы пройти в туалет для медсестер.

Однако, хотя эта причина и выглядела наиболее вероятной, в ней крылся (боже мой) малюсенький дефект. Моя комната была первой в мансардном этаже, дальше шла лестница. А туалет располагался в другом конце.

Если одна из нас поднялась по нужде, ей не пришлось бы идти мимо моей комнаты.

Малоутешительный вывод.

Я страшная трусиха во всем, что находится за пределами

моего понимания. Если человек в агонии, я пытаюсь помочь и полагаю, что бросилась бы в огонь, чтобы спасти жертву пожара, но я уже говорила, что меня пугают готические спектакли. Вот и ночные шаги, доносящиеся оттуда, где их не должно быть, меня пугают.

Энн Мак-Кари, которая была *до щекотки*, не смогла бы даже пошевелиться.

Но это была прежняя Энн Мак-Кари. Да вы ее знали: бедная женщина.

Нынешняя Энн не то чтобы стала храбрее, но научилась признавать собственный страх и выстраивать приоритеты. И если уж я заподозрила, что кто-то, возможно, рыскает ночью по пансиону, где спят два человека, которым угрожало смертью странное и ужасное сообщество, чья власть основана на «магическом» театре, то я, личная медсестра одного из этих людей, напуганная или нет, не собиралась дрожать под одеялом.

Шелест ног уже прекратился, но теперь я слышала легчайшее поскрипывание лестницы. Я поднялась, немного выждала, открыла дверь и успела заметить слабое мерцание, исчезающее в проеме лестницы.

А потом мне пришла в голову странная мысль.

«Женщина, написанная японцем».

Актриса из этого *поиска сокровища*. Она пробралась в Кларендон-Хаус и ходит со свечкой в руке...

Но я была уверена – это всего лишь легенда. Как актри-

са отважится проникнуть в частное владение, тем более без одежды, какой бы татуированной ни была ее кожа?

Я высунулась в коридор, когда мерцание прекратилось. Даже в потемках я разглядела, что двери в комнаты других медсестер закрыты.

Я начала спускаться по ступенькам – подо мной они тоже слегка поскрипывали – и в это время услышала новый звук: открылась самая дальняя, кухонная дверь. Я узнала ее по особому протяжному скрипу. Подобрав полы ночной рубашки, я двинулась вперед со всей возможной скоростью и бесшумностью, между мертвых кастрюль и повешенных поварешек. А потом скрипнула уличная дверь.

Я больше не сомневалась: кто-то пробрался в дом и теперь убегает.

Вот только я не знала, как поступить. Что мне делать – поднять тревогу? Я предпочла действовать в одиночку, пробежала к главной двери и открыла. Дорожка, садик, стена вокруг Кларендона – все оставалось неизменным в желтом свете фонарей. И калитка, кажется, была закрыта. Служанки всегда запирали ее на ключ прежде, чем отправляться спать.

Так, значит, чужак остался в саду? Или же отомкнул калитку ключом именно в тот момент, когда я в нерешительности стояла на кухне? Я и так уже заледенела от страха, поэтому меня не остановил риск заледенеть от холода. Я босиком, в одной ночной добежала до калитки и проверила замок. И в самом деле – заперто. Снаружи виднелся большой темный

веер проспекта Кларенс и узел из улиц Шефтсбери, Осборн и Кларенс-роуд, но и они не открыли мне ничего нового. Нигде ни огонька. Слышался только мягкий гул – это был прибор, смешанный со звуками арены Саут-Парейд, где подростков обоих полов ободряли овациями, чтобы они хореографическими движениями изображали схватку, не нанося друг другу существенного вреда, чтобы выставляли напоказ юные тела, покрытые только лишь потом. А затем, в свете единственного фонаря, который горел на левой стороне нашего садика, я заметила тень, ускользавшую за угол Кларендон-Хауса.

Я не могла открыть калитку (у каждой медсестры есть ключ, но мой остался наверху), и не было никакой возможности посмотреть на пляж, находясь внутри кларендонских стен, если только не заходить в комнаты к пациентам...

Или все-таки...

Я метнулась обратно к зданию, как могла стремительно пронеслась по ковровой дорожке в холле, теперь уже не опасаясь поднять шум, – известно ведь, что мы, добрые люди, имеем полное право шуметь по ночам, – взбежала по лестнице для пациентов и остановилась на второй площадке, перед задним окном.

Отсюда открывался великолепный вид на пляж, как я выяснила еще в свое первое кларендонское утро, когда обнаружили труп второго убитого нищего. Вот какие приятные воспоминания остаются у меня от моего пациента; я собираю их с того дня, когда согласилась ухаживать за этим забавным

и симпатичным пансионером без имени.

Луна была не полная, но вполне себе брюхатая, облака застыли, как прилипшие к зеркалу пучки ваты, а я смотрела на серебристый песок и на море – темное и белесое. А задним фоном этой картины служила абсолютная чернота моря-неба, она была как смерть.

Сначала я больше ничего и не видела.

А потом различила бегущую по песку фигуру: распущенные волосы, блестящая спина, женские ягодицы.

Возможно, звенел и колокольчик, но море поглотило этот звук. А вскоре единственными светлыми пятнами перед моими глазами остались барашки волн.

В первый момент я подумала, что если бы поймала ее, ухватив за волосы или за руку или подставив подножку, как действуют грубияны, вышедшие на *поиск сокровища*, то я бы выиграла это состязание (с женщиной японца или с кем-то еще) и смогла бы положить в кошелек кругленькую сумму. Но я никогда не участвовала в этих мерзостных постановках и никогда не бывала на аренах.

А потом меня посетила новая мысль: точно ли это пляжное *сокровище* связано с шагами, которые я слышала? Теперь мне это вовсе не казалось очевидным. Увидеть *сокровище* на пляже, тем более ночью, – не такая уж и редкость. Многие там скрываются.

Я уже собиралась покинуть свой наблюдательный пост, когда появилась другая фигура.

Она не бежала. И если и являлась *сокровищем*, то только для самой себя. Дыхание ветра превращало в крылья ее ночную рубашку и шаль. Лица мне было не видно, только ночной колпак, но очертания тела не оставляли места для сомнений.

Я не знаю, сколько времени она простояла там лицом к морю – я отошла от окна раньше. А когда я поднялась на мансардный этаж, то, вместо того чтобы вернуться к себе, я подошла к последней спальне, тихонько постучала и, не получив ответа, заглянула внутрь.

Постель Мэри Брэддок была пуста.

7

«Добрые люди кричат по утрам, злодеи – по ночам», – говаривал мой отец.

Я не знаю, к какой категории отнести моего пациента, но когда я к нему поднималась в то утро, его энергичный ликующий голос был слышен даже на лестнице.

– Поместите меня лицом к двери, но чтобы места в комнате было достаточно для всех!... Ах, мисс Мак-Кари, вы здесь! Вы как раз вовремя!

Мне, разумеется, не пришло в голову выпрашивать, как он догадался о моем появлении, притом что коридор был устлан ковром, а в его комнате стоял такой шум, что услышать меня мой пациент решительно не мог.

Мистер Уидон и Джимми Пиггот напоминали рабов египетского фараона: оба они склонились, ухватившись за кресло по бокам, и поворачивали этот трон к двери, а мистер Икс восседал сверху. Джимми снял пиджак и двигался без видимых усилий; Уидон тяжело отдувался.

Когда мистер Икс посчитал, что кресло установлено правильно, он переключился на стулья. Их требовалось как минимум восемь. Расположить их следовало полукругом вокруг свободной площадки: там разместили столик, сверху положили экземпляр «Приключений Алисы в Стране чудес». И кое-что еще.

Это были настольные часы с белым искривленным корпусом. Поначалу я не могла понять, откуда их принесли, но они мне «послышались» – вот самое уместное слово – очень знакомыми.

– Благодарю вас, джентльмены, – изрек мистер Икс. – Пепельницы расставлены? А жаровня? Вы же знаете, камин не работает... А теперь, если вас не затруднит, оставьте меня на несколько минут с моей медсестрой. И обязательно предупредите, когда придут посетители.

– Мистер Икс, часы я поставил, – сообщил Джимми, закрывая дверь.

Я подвела моего пациента к кровати, чтобы обтереть и высушить. После этой процедуры мистер Икс попросил одеть его в единственный костюм (мальчишеского размера) и обувь в ботинки, а затем вернулся в кресло. Наряженный подоб-

ным образом, он походил на главаря преступного клана вер-
хом на троне.

Его двухцветные глаза сияли.

– Мисс Мак-Кари, психиатры будут здесь с минуты на ми-
нуту. Выслушайте меня со вниманием: мистеру Оуэну из-
вестно только, что его преподобие нуждается в ментальном
театре; больше он ничего не знает, не знает и правды об
Убийце Нищих. И хотя мы с его преподобием намерены из-
ложить главную часть истории, вам, определенно, тоже бу-
дут задавать вопросы. Будьте к этому готовы и отвечайте с
вашей обычной искренностью.

– Договорились, сэр. Что-нибудь еще?

Мистер Икс помолчал, кривя свои тонкие губы. Он был
взбудоражен.

– Я знаю, что вы до сих пор чувствуете вину, несмотря на
мои регулярные попытки избавить вас от этой идеи. Ну что
ж, наконец настал момент, чтобы вы поговорили о своем гру-
зе. Ничего не утаивайте. Если вам будет стыдно – тем лучше.
Если заплачете – это будет еще лучше. Дело крайне серьез-
ное, так что нелишне будет послушать женский плач. Слу-
шая, как плачет женщина, люди склонны придавать больше
значения всему остальному.

– Да, сэр.

– Великолепно, – определил мистер Икс. – Ваш тон, когда
вы пропускаете все входящее через себя, будет как нельзя
кстати. И не забудьте упомянуть о наслаждении, которое вы

почувствовали...

– Замолчите, – взмолилась я.

– Вот оно! Вот он, ключ ко всему! – ликовал этот невозможный человек. – Ваша злость. Пришел момент говорить со всей злостью... До сих пор вы предпочитали молчать, что кажется мне глупостью, но время молчания миновало – я ясно выражаюсь?

Моим ответом было молчание.

Я отошла от него подальше и посмотрела в окно.

– Мисс Мак-Кари?

Тучи закрыли небо настолько, что невозможно было определить, где сейчас солнце, то самое солнце, на которое охваченный писательской манией Дойл указал – *вэжжжжик!* – своей тростью. Море было серое и мутноватое, как старческий рассудок. Признаков жизни нигде не наблюдалось. Я отметила, что лето стремительно уходит, как то *сокровище*, что я видела ночью, – а вместе с ним и свет.

Огонь останется только в театрах.

Лето нам выпало странное и жуткое, но мне по крайней мере служили утешением его бесконечные закаты. Теперь к моей тоске будет добавляться и угасание природы. Я с детства привычна к песку и к морю, самые ранние мои воспоминания связаны с солнцем, поэтому осень для меня – с каждым годом все отчетливее – напоминает визитную карточку смерти.

Воспоминание о ночном приключении навело меня на

мысль о Мэри Брэддок. Что за одинокая прогулка посреди ночи? Неужели Мэри, как и я, охвачена внутренней болью, крадущей ее сон? Неужели она тоже заботится о своем мистере Икс?

– Почему бы вам самому не поговорить с этими докторами? – Я все еще смотрела в окно.

– Мисс Мак-Кари... – Мистер Икс воспользовался своей особенной паузой, чтобы набраться терпения. – Я ведь объяснил, что тоже буду говорить. Что вам непонятно?

– Мне все понятно. – На этой фразе я – что поделаешь – слегка повысила голос. Внутри меня бушевала буря. По сравнению с ней слова мои были как шепот, обращенный к малышу. – В этом-то и проблема: всякий раз, когда вы объясняете что-то, я понимаю ВСЁ!

– Теперь уже я не понимаю ничего.

– Ах, неужели? Так позвольте сказать вам следующее: вот уже несколько недель, как вы *ничего* не понимаете про меня! Вот в чем главнейшая из проблем!

– Что я должен понять?

– Я не буду вам объяснять! В этом вторая проблема! Просто разговаривайте с докторами сами.

Я уже писала, что одно из достоинств работы с мистером Икс – это что можно не заботиться о выражении своего лица, чем я сейчас и воспользовалась.

– Вам нужна моя искренность? Начинайте первый!

– Мисс Мак-Кари...

Я не дала ему договорить:

– Я готова это сносить от других! Объявляя, жалость, фразу «Энн, то была не ты»... Я могу вынести, когда на меня смотрят и как будто приговаривают: «Ах Энни, ну конечно, мы знаем, что ты не преступница!.. Это было... неудачное стечение обстоятельств и еще немножко гипноза!.. Такое несчастье, такое несчастье!» Я могу вынести, что все, от Понсонби до последней служанки, не исключая и медсестер, все обходятся со мной с осторожностью, а про себя думают: «Сюда идет Энн, внимание... Да, она ударила пациента ножом, но она была под гипнозом... Просто-напросто под гипнозом!» Все это я могу выносить...

– Думаю, мы потеряем меньше времени, если вы сообщите, чего выносить не можете, – бесцветным голосом заметил мистер Икс. Я окончательно вышла из себя.

– Вы обходитесь со мной точно так же! Просите поговорить о том, что я сделала, – тогда говорите первый!.. Скажите мне, *что я сделала* на самом деле! – И тут вместо меня заговорил мой плач. Ведь плач может подхватить и повлечь, так что ты сама превращаешься в гигантскую слезу и барахтаешься в ней, как было описано в «Приключениях Алисы в Стране чудес». – Простите! Я плачу над вашим... проклятым ковром!.. Скажите наконец, что я пыталась вас убить преднамеренно!..

– Вы пытались меня убить преднамеренно. – Голос мистера Икса был четок и прозрачен.

– И... что я не была «под гипнозом»! Что это был не лунатизм!

– Вы не были под гипнозом, и это был не лунатизм.

– Я отдавала себе отчет во всех своих действиях! Это не было похоже на кошмары мистера Кэрролла, которыми вы так интересуетесь! Это было наяву! Я держала в руке нож и хотела в вас его всадить тысячу раз! И знаете, что еще? Я до сих пор вижу во сне, что я это делаю, а когда просыпаюсь... рот мой полон слюны! – Я заточила лицо в тюрьму своих ладоней, закрыла ставни, чтобы никто не мог меня увидеть, даже я сама. – И это не кошмар!.. В этих снах я не чувствую ни тоски, ни страха! Как не чувствовала и тогда!.. Я чувствую... чувствую...

– Наслаждение, – сказал мистер Икс.

Сказал без всякого выражения и оставил меня рыдать. Таков был способ мистера Икс, так он успокаивал женщину: позволял ей тратить слезы, пока не истощится запас энергии. И на этот раз тоже сработало.

– Да, это была я, – сказала я, вытирая глаза платком. – Это была я. И я ощутила наслаждение.

И только когда мистер Икс снова заговорил, я поняла, что он добился своей цели.

Он хотел, чтобы я наконец выплеснула свои чувства, и он воспользовался предлогом: беседа с психиатрами. И у него получилось. Теперь мистер Икс заговорил со мной очень мягко:

– Именно вы ударили меня ножом, и именно вы остановились, когда я попросил вас перестать. Именно вы почувствовали абсолютное наслаждение, и именно вы теперь плачете, вспоминая об этом. Человек, преподававший математику, – тот же самый человек, что написал абсурдные сказки. Мы всегда остаемся собой, но нас самих внутри нас самих много, мисс Мак-Кари. Вы наконец-то познакомились внутри себя с кем-то, кто не так хорош, как вы. Что ж, в добрый час: многие покидают здание своего тела, так и не познакомившись со всеми обитателями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.